

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 9 мѣсѣцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсѣцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ 8 р. —

на 9 мѣсѣцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсѣцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. СВВ. Попарской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СВВ.,

Надеждинская, д. 19, кв. 32., а

также въ книж. маг. Вол-

фа, Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Причины предубѣжденій къ Сибири.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Кобдо, Пешпека, Хабаровки, Зайсанскаго поста и Оренбурга.—Эпизодъ изъ странствій по Монголіи. *Г. Сафьянова*.—Изъ исторіи горной промышленности (Ирбинская дача). *И.*—Барбайнская степь (стихотвореніе). *Омудескаго*.—Хроника жизни за недѣлю.—Биржевыя извѣстія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

ЦѢНА ЗА ГОДЪ 8 РУБЛЕЙ.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. остающіеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ редакціи и конторы на заголовкѣ газеты.

ПРИЧИНЫ ПРЕДУБѢЖДЕНІЙ КЪ СИБИРИ.

Періодъ трехсотлѣтія завоеванія Сибири совпалъ съ періодомъ историческаго сознанія и гражданской зрѣлости. Эпоха трехсотлѣтія, сколько мы знаемъ, составляетъ для колоній вообще періодъ извѣстной зрѣлости, какъ видно на испанскихъ и англійскихъ колоніяхъ.

Рядомъ съ разработкой мѣстныхъ вопросовъ и въ самой Россіи пробудилась большая любознательность узнать свою окраину. Доселѣ мы эту страну открывали въ географическомъ и промышленномъ отношеніяхъ, но не открыли въ гражданскомъ, хотя уже Сперанскій, ~~дѣлалъ~~ управленіе, замѣтилъ, что онъ открываетъ ее для Россіи какъ Ермакъ.

Наступило время однако познать, что здѣсь созрѣла и народилась такая же жизнь, такое же общество, такое же социальное тѣло, какъ и въ остальномъ государствѣ.

Понятно, что до тѣхъ поръ, пока страна была незаселена, ея будущее казалось загадочнымъ и темнымъ, при слабомъ знакомствѣ съ нею въ смутномъ представленіи гнѣздились масса предубѣжденій и предразсудковъ, по отсутствію признаковъ жизни можно было заключить и объ отсутствіи общества. Мы не станемъ напоминать исторію всѣхъ заблужденій

и тѣ смутныя представленія, которыя тяготѣли надъ „злосчастной Сибирью,—одни считали ее безжизненною тундрою, другіе темницею и Дантовымъ адомъ, созданнымъ лишь для падшихъ душъ. Только теперь понемногу разсѣвается туманъ, начинаетъ обнаруживаться истина и устанавливается правильная точка зрѣнія на страну, которую мы не знали, которой пренебрегали, и мы начинаемъ оцѣнивать, чѣмъ владеетъ въ лицѣ ея государство. Въ то же самое время для самихъ сибиряковъ и жителей Востока расширяется горизонтъ на ихъ гражданскія задачи. Переворотъ этихъ возрѣній совершается на глазахъ.

Къ такимъ признакамъ времени относится недавно появившаяся статья о Сибири „Зеркало Россіи“, вызванная другимъ сочиненіемъ, „Сибирь какъ колонія“ *). Эту статью можно назвать эпохою въ сибирской литературѣ. Знакомъ русскаго читателя съ окраинами и съ составомъ гражданского общества, создающагося здѣсь цѣльно и органически, она даетъ толчокъ мѣстному самосознанію и разъясняетъ многое для самихъ сибиряковъ. До сихъ поръ слагающееся русское общество на Востокѣ только смутно сознавало свое существованіе, оно не могло обобщить, формулировать многое изъ своихъ явленій, сами сибиряки, заявляя свои права на жизнь, свои потребности, многое не умѣли доказать. Въ этомъ случаѣ на помощь этому обществу должна была придти болѣе сильная философская идея и социологическій анализъ. Указанная статья бросаетъ свѣтъ на многіе темные и спорные доселѣ вопросы и разъясняетъ тѣ противорѣчія, которыя невольно являлись при разборѣ фактовъ, представляемыхъ сибирскою жизнью.

Прежде всего статья показываетъ, какое значеніе имѣетъ знакомство русскаго человѣка съ окраинами и ихъ жизнью.

„Россія можетъ оглядѣть себя на окраинѣ, говоритъ авторъ, познать свои силы и проявленія дѣятельности. Любопытно взглянуть какъ развертывалась русская жизнь на просторѣ, предоставленная самой себѣ. У насъ много на плечахъ во-

*) Статья эта помѣщена въ «Русской Мысли» № 1, январь 1883 г.

просовъ сложной государственной жизни, продолжаетъ авторъ, у насъ вопросы польскій, остзейскій, еврейскій, въ которыхъ мы не можемъ придти къ соглашенію; на Востокъ мы видимъ эти вопросы менѣе осложненными, суть дѣла яснѣе, явленія оголеннѣе, рѣзче и причины уловимѣе. Далѣе, въ русской жизни также фигурируютъ вопросы племенные, сословныя, здѣсь фигурируютъ вопросы о правоспособности разныхъ слоевъ общества, вопросъ о отношеніи привилегированныхъ классовъ къ непривилегированнымъ, значеніе классовъ городскихъ, промышленныхъ, земледѣльческихъ и взаимныя ихъ отношенія. За ними слѣдуетъ вопросъ о способности къ самоуправленію этихъ классовъ и различной ихъ роли въ будущемъ. Все это создаетъ споры, различныя мнѣнія и путаницу понятій, которая порождается у насъ незнаніемъ русской жизни и различныхъ проявленій ея въ различныхъ частяхъ Имперіи. Съ этой стороны изученіе мѣстныхъ вопросовъ и мѣстной жизни для русскаго образованнаго человѣка становится обязательнымъ. Мало того, оно прольетъ свѣтъ на многое, что доселѣ оставалось смутнымъ въ русской жизни, что было непонято, порождало недоразумѣнія. Авторъ указываетъ, что наши окраины въ формѣ ихъ простой и менѣе осложненной жизни представляютъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ. По нимъ, по ихъ явленіямъ, можно добраться до коренныхъ причинъ, уразумѣть фактъ какъ онъ есть и найти часто выходъ и разрѣшеніе въ вопросахъ, которые въ осложненной формѣ кажутся неразрѣшимыми. Словомъ, здѣсь въ дѣйствительной жизни осуществляется то логическое отвлеченіе, которое совершается философами и логиками для отысканія истины и которое состоитъ въ отшелушиваніи всего случайнаго, посторонняго, въ видѣлѣннѣйшій существеннаго отъ побочнаго, словомъ, въ упрощеніи факта и дилеммы до математически простой задачи съ А. и В. безъ всякаго неизвѣстнаго. Запасшись массою фактовъ изъ современной жизни русскихъ окраинъ, относясь къ нимъ внимательно и анализируя ихъ, авторъ съ замѣчательной логической силою и знаніемъ явленій русской жизни, съ глубокимъ пониманіемъ народнаго духа пробуетъ разрѣшить нѣсколько вопросовъ, весьма важныхъ столь же для русской общественной жизни, сколько и для мѣстной, окраинной. Онъ дѣлаетъ между прочимъ опытъ на одномъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ для окраинъ, задавшись вопросомъ—представляется ли населеніе ихъ способнымъ къ самоуправленію? Но прежде, чѣмъ разрѣшить этотъ вопросъ, авторъ постарался уничтожить тѣ предрасудки и предубѣжденія, которые господствуютъ въ Европейской Россіи на счетъ Сибири, и въ этомъ также достоинство его статьи.

Русское населеніе на Востокъ обыкновенно представляется русскому читателю, какъ общество отсталое, одичавшее, отстунившее отъ культуры, понизившееся въ расовыхъ чертахъ и обычаяхъ вслѣдствіе сношеній и слиянія съ инородцами; наконецъ, оно представляется въ лицѣ сплошнаго невѣжественнаго населенія, по преимуществу крестьянства, грубаго промышленнаго сословія и жаднаго необразованнаго чиновничества; прибавьте къ этому отзывы о хищничествѣ, грубой наживѣ, монополіи, кабалѣ, о низкомъ нравственномъ уровнѣ и деморализаціи, и тогда понятно будетъ то непривлекательное представленіе, какое выносится изъ суммы этихъ характеристикъ точно также, какъ и то предубѣжденіе, которое порождается этими чертами въ совокупности, ярко сгруп-

пированными. Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ обвинять сибирское населеніе и общество въ порокахъ и недостаткахъ, которые обуславливаютъ его неспособность въ той или другой сферѣ общественной дѣятельности, не мѣшаетъ провѣрить факты и отзывы, на основаніи которыхъ дѣлаются эти приговоры. Такъ и дѣлаетъ авторъ „Зеркала Россіи“. Изъ послѣднихъ изданныхъ сочиненій о Сибири, онъ извлекаетъ цѣлый рядъ отзывовъ и дѣлаетъ строгій анализъ всей этнографической литературы, придерживаясь строго научнаго метода.

Изъ этого анализа оказывается, что приводимые факты и данныя не такъ убѣдительны, какъ кажется. Этнографическій матеріалъ далеко не такъ правдоподобенъ и въ сущности составляетъ самый разнообразный наборъ наблюденій, носящій случайный характеръ. Дѣло въ томъ, что настоящаго этнографическаго изслѣдованія въ Сибири еще не начиналось. Способъ изслѣдованій далеко не былъ правиленъ. Значительная часть путешествій и наблюденій касается такихъ окраинъ и угловъ, явленія и особенности которыхъ не могутъ быть распространены на всю Сибирь. Обыкновенно этнографическое изслѣдованіе соединялось въ Сибири съ географическимъ; а такъ какъ путешественникамъ всегда представлялось болѣе интереса изслѣдовать terra incognita, то они спѣшили обыкновенно къ пустынямъ, торопясь проѣхать заселенныя мѣста и ограничиваясь поверхностнымъ ихъ обзоромъ.

„Всеѣ они, пишетъ авторъ, видѣли Сибирь изъ тарантаса, несясь съ быстротою 20 верстъ часъ и 5-минутными остановками на станціи. Какая громадная невѣрность должна заключаться въ ихъ сужденіяхъ о населеніи Сибири!“ (стр. 14).

Значительная часть путешественниковъ изучала инородческія племена Сибири, которыя представляли для чистой науки болѣе интереса, чѣмъ племя великорусское, которое болѣе или менѣе извѣстно. Русское населеніе въ глухихъ мѣстахъ поражаало путешественниковъ чертами, заимствованными отъ инородцевъ. Это были мѣстности, гдѣ инородцы составляли громадное большинство. Въ этихъ районахъ встрѣчались, конечно, оригинальныя явленія. Тундра, глушь, одичаніе и инородческая помѣсь здѣсь выступали рѣзче. Черты вотъ этихъ-то окраинъ, поражавшія воображеніе путешественниковъ, они переносили на всю Сибирь, даже съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Самое объясненіе этнографическихъ особенностей являлось своеобразное. Увидѣлъ путешественникъ, что туруханскій мѣщанинъ носить туземный костюмъ, защищаясь отъ холода, онъ заключалъ объ отсутствіи устойчивости у мѣстнаго населенія въ привычкахъ и объяснял это недостаткомъ интеллектуальнаго развитія. Ъль тотъ же мѣщанинъ замороженную рыбу, подобно туземцамъ, и это объяснялось также одичаніемъ.

Мало того, изъ этого выходило, что Сибирь вся одичала, что она ѣсть сырое и тухлое мясо. Такимъ образомъ создавалась утрированная „химическая“, какъ ее называетъ авторъ, „этнографія“ Сибири. Отсюда сочинялись цѣлыя гипотезы и выводы о вліяніи холода, дѣйствующаго убивающимъ образомъ на умственныя способности, теорія одичанія населенія, отступленія отъ культуры и пониженія способностей отъ смѣшенія съ инородцами, гипотезы и теоріи, которыя выдавались за аксіому и результатъ антропологическихъ изысканій. То же повторялось, когда туристъ и путешественникъ соприкасался на лету съ населеніемъ въ различныхъ населенныхъ центрахъ. Сибирская городская бюрократія, вся почти состав-

ленная изъ наѣзжаго изъ Россіи „тертаго народа, прошедшаго огонь и воду и мѣдныя трубы“, по характеристикѣ автора, промышленный людъ, разные кулаки, кабатчики и самыя золотопромышленники должны были произвести особое впечатлѣніе. На большихъ трактахъ, на постоянныхъ дворахъ можно встрѣтить всевозможныхъ ростовщиковъ и обираль, живущихъ около проѣзжихъ. Кромѣ того, захавъ въ Сибирь при существующей безурядицѣ, можно наслушаться массу рассказовъ о произволѣ, господствѣ хищниковъ, разныхъ злоупотребленіяхъ и продѣлкахъ промысловаго класса. Все это не рѣдкость. Но какое же отношеніе могли имѣть эти отдѣльные случаи, эти, скажемъ даже, преступленія въ общемъ характерѣ народа? Вѣдь за этой группой монополистовъ и кулаковъ стояла всегда обиженная несчастная масса, что же, и она въ своемъ несчастіи была безнравственна, а вѣдь она составляла большинство населенія? Между тѣмъ, одни взятые рассказы о кулакахъ и мошенничествахъ только сгущали краски въ умѣ путешественника. Рассказы эти собирались нерѣдко изъ устъ ссыльныхъ людей, раздраженныхъ и озлобленныхъ ссылкой, которымъ Сибирь противна, которые клянутъ ее только потому, что она страна ихъ неволи, и желчно, съ насмѣшкой и ненавистью отзываются о мѣстномъ населеніи. Часто поколоченный за новыя преступленія воръ и жуликъ притворяется агнцомъ, потерпѣвшимъ отъ несправедливости и жестокосердія сибиряка, и путешественникъ, подкупленный чувствомъ соболизнованія, вѣритъ ему. Масса рассказовъ ссыльныхъ о Сибири вошла въ литературу. „Всѣ сужденія о Сибири составлялись, такимъ образомъ, на основаніи посылокъ отъ наблюденій на о к р а и н а х ъ сибирскаго царства (а не въ центрѣ) и в ѣ г о р о д а х ъ, населенныхъ кулаками различныхъ формъ и классовъ, и заѣзжими чиновниками, изъ которыхъ тѣ и другіе склонны говорить неправду изъ расчета, изъ желанія скрыть свои поступки отъ посторонняго или замаскировать ихъ отъ своей собственной совѣсти“ (стр. 14).

Подвергая критикѣ факты, самый методъ ихъ собиранія, пристрастность возрѣній наблюдателя, авторъ отвергаетъ послышки и выводы. Онъ не придаетъ имъ цѣны научнаго изслѣдованія потому, что большинство наблюденій поверхностны, часто лишены смысла и разлетаются сами собою, при первомъ соприкосновеніи. И вотъ, на подобномъ-то фундаментѣ составлялось мнѣніе о Сибири. Далѣе авторъ еще дѣлаетъ одинъ характерный штрихъ. Насколько должна усилиться степень неправды еще вслѣдствіе того, что главная управляющая въ сужденіяхъ изслѣдователей и путешественниковъ гипотеза выходила изъ представленія о мужикѣ, составленнаго во время крѣпостнаго права. Наблюдали всетаки лица съ предубѣжденіемъ къ этому мужику. „Русскій образованный человѣкъ съ молокомъ матери всосалъ, говоритъ авторъ, въ себя извѣстную гипотезу о скотствѣ русскаго мужика, всѣ условія жизни и воспитанія поддерживали эту гипотезу. И вотъ съ этой гипотезой онъ подходит къ странѣ почти сплошнаго крестьянства, гдѣ нѣтъ высшаго благороднаго класса, гдѣ нѣтъ комфорта, барскихъ привычекъ, галантности, блеска, гдѣ зарабатываютъ кусокъ хлѣба или трудомъ, или гонятся за наживой, пуская всѣ средства, но все-таки дѣйствуютъ, живутъ, а не покоятся на лаврахъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Эта мужичья страна должна произвести особое впечатлѣніе“.

Послѣдній аргументъ автора особенно бьетъ тѣхъ, кто обвиняетъ и бранитъ Сибирь въ качествѣ интеллигентнаго

и либеральнаго представителя, не будучи самъ ни послѣдователемъ, ни либераленъ. Но печальнѣе всего это то, что масса этихъ басенъ, заблужденій и приговоровъ, эта „химерическая этнографія“ проникла изъ рассказовъ праздныхъ людей и легкомысленныхъ туристовъ въ литературу. Настоящее научно-этнографическое изслѣдованіе страны и ея населенія только-что начинается. Только недавно начали собираться свѣдѣнія о крестьянской общинѣ на востокѣ, и авторъ дѣлаетъ справедливый укоръ, что изслѣдованіе, стремясь къ любопытному и диковинному, игнорировало центръ русскаго населенія Сибири и земледѣльческіе округа. А между тѣмъ до этихъ изслѣдованій мы уже составили приговоры.

Въ этомъ заблужденіи грѣшны однако не одни туристы и заѣзжіе франты. Эти мнѣнія и выводы иногда сбивали съ толку весьма солидныхъ и умныхъ людей и раздѣлялись ими. Набралъ сумму самыхъ неблагопріятныхъ впечатлѣній, покойный Щаповъ, жившій въ исключительныхъ условіяхъ, поддаваясь личному раздраженію и недовольству, составилъ цѣлую теорію „Объ отсутствіи высшихъ гуманныхъ чувствъ у сибирскаго населенія“, теорію умѣстную болѣе для памфлета, чѣмъ для этнографіи. За нимъ увлекались и другіе. Покойный С. С. Пашковъ, бравшій факты о нравахъ въ Сибири изъ архивныхъ дѣлъ, куда вошли одни преступленія и уголовщина, составилъ самое мрачное впечатлѣніе о ея прошломъ; о текущей же жизни населенія онъ составлялъ понятіе по обличительной литературѣ и совершающимся злоупотребленіямъ въ городахъ. Поэтому представленіе опять являлось одностороннее.

Уважая память этихъ лицъ и почтенныхъ дѣятелей, трудно раздѣлять однако ихъ приговоры и мнѣнія о сибирскомъ населеніи. Намъ кажется, что пора снять пятно съ этого населенія во имя тѣхъ человѣчныхъ принциповъ, во имя строгой правды, которыхъ странно лишать наиболѣе обиженную часть населенія, окраину наиболѣе несчастную. Если знатоки литературы и природные сибиряки путались въ лабиринтѣ понятій и представленій о краѣ, что же сказать о другихъ?

Русскій образованный человѣкъ и писатель, соприкасаясь съ разнородными фактами сибирской жизни, совершенно терялся. „Самоуправленіе, реформы, гражданскія блага—необходимая вещь для всякаго. Но если край такъ безобразенъ, если населеніе развращено, если инстинкты такъ грубы, если умственное развитіе такъ низко, то что же будетъ съ самоуправленіемъ? спрашивалъ озадаченный русскій философъ. Вопросъ этимъ не только не разрѣшался, но запутывался. Вѣдь нужно же какъ нибудь и этому населенію выйти изъ своего печальнаго положенія? Гдѣ же выходъ? На всѣ эти дилеммы нынѣ отвѣчаетъ авторъ „Зеркала Россіи“, трезво смотрящій на дѣло. Онъ отгребаетъ и выдѣляетъ все ненормальное, уродливое, безнравственное, выдѣляетъ все случайное и беретъ для анализа здоровые элементы сибирскаго общества. Какъ справляется авторъ съ своей задачей, мы укажемъ въ слѣдующей статьѣ. Теперь же прибавимъ, что этотъ свѣтлый и здоровый взглядъ, совершая переворотъ въ возрѣніяхъ, представляетъ много ободряющаго и утѣшительнаго. Онъ вселяетъ надежду для несчастной окраины и несетъ «вѣтку мира» вмѣсто прежняго озлобленія и предубѣжденія.

ХРОНИКА.

— Изъ полученнаго бюллетени видно, что въ послѣднемъ засѣданіи Западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества (въ Омскѣ), происходившемъ 19 декабря 1882 г., постановлено ходатайствовать объ учрежденіи при Отдѣлѣ распорядительнаго комитета; затѣмъ были прочитаны письма проживающихъ въ Зайсанѣ офицера Лютика и учителя Сивкова, которые предлагаютъ, съ нѣкоторымъ пособіемъ отъ Отдѣла, заняться изслѣдованіемъ кургановъ и другихъ памятниковъ древности, находящихся въ Зайсанскомъ приставствѣ. Они указываютъ между прочимъ на заслуживающую вниманіе громадную двухъярусную пещеру (въ Богасовской волости), выложенную внутри кирпичемъ.

— Заимствуемъ изъ „Волжскаго Вѣстника“ свѣдѣнія о дѣятельности въ прошломъ году переселенческой конторы въ Батракахъ, предварительно напечатанныя въ „Самарск. губ. вѣдомостяхъ“. Движеніе переселенцевъ чрезъ г. Сызрань началось съ апрѣля мѣсяца. Члены переселенческой конторы опрашивали каждую партію, причѣмъ имъ доставлялись необходимыя свѣдѣнія о земляхъ, избранныхъ ими для поселенія и подробныя маршруты къ этимъ мѣстамъ. Кромѣ того, переселенческая контора исходатайствовала для переселенцевъ право на проѣздъ по Моршанско-Сызранской, Оренбургской и Уральской желѣзнымъ дорогамъ со скидкой 75% съ нормальнаго тарифа; при проѣздѣ на пароходахъ съ Сызранской пристани переселенцы также пользовались весьма значительной уступкой, по личному ходатайству членовъ конторы. Всѣхъ переселенцевъ прослѣдовало чрезъ Сызрань съ апрѣля по 28 октября 1882 г. впередъ, т. е. на востокъ 14,676 душъ и обратно 462 д. об. п. Самое большое число переселенцевъ дала губернія Тамбовская, затѣмъ Рязанская, Воронежская, Пензенская, Полтавская, Орловская и др. Главнымъ мѣстомъ, куда болѣе всего стремятся переселенцы, служитъ Томская губернія, преимущественно Бійскій округъ. Почти всѣ ѣдутъ туда по письмамъ живущихъ тамъ родственниковъ. Для этихъ сибирскихъ переселенцевъ дѣятельность конторы ограничивалась выдачею маршрутовъ, оказаніемъ медицинской помощи и ходатайствомъ о дешевомъ переѣздѣ. Болѣе контора имъ не могла оказать никакой услуги, такъ какъ она сама почти не располагаетъ свѣдѣніями о земляхъ Западной Сибири. Кромѣ того, конторой собирались свѣдѣнія о земляхъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ въ губерніяхъ: Самарской, Оренбургской и Уфимской, которыя могли бы быть предоставлены переселенцамъ, пожелавшимъ купить или арендовать (?) ихъ. Свѣдѣнія эти собирались путемъ переписки или личными сношеніями членовъ конторы съ землевладѣльцами. Такимъ образомъ, контора къ концу 1882 г. располагала свѣдѣніями о частныхъ земляхъ въ количествѣ 300 т. десятинъ. Конторѣ даже удалось пристроить на эти земли болѣе 200 д. крестьянъ изъ Полтавской и Черниговской губ. Изъ этихъ опубликованныхъ свѣдѣній видно, что Батрацкая контора имѣетъ преимущественно мѣстное значеніе; для переселяющихся въ Сибирь ея дѣятельность была и вѣроятно будетъ ограниченная. Необходимо еще другія конторы или по крайней мѣрѣ агентуры на дальнѣйшемъ пути переселенцевъ въ Сибирь. Уже въ первый годъ дѣятельности конторы намѣтились черты, которыя можно принять за предостереженіе въ будущемъ, какъ бы контора вмѣсто того, чтобы служить интересамъ крестьянъ-переселенцевъ, не обратилась въ поставщика арендаторовъ и рабочихъ рукъ для уфимскихъ, самарскихъ и оренбургскихъ землевладѣльцевъ. Не станетъ ли она помимо своей охоты задерживать переселеніе въ предѣлахъ мѣстнаго района, подавая желаніямъ мѣстныхъ помещиковъ стусить здѣсь населеніе, чтобы имѣть болѣе дешевыя рабочія руки. Средствомъ противъ этого можетъ служить, во-первыхъ, полная гласность въ дѣлахъ, какъ Батрацкой конторы, такъ и другихъ конторъ, которыя будутъ учреждены впоследствии. Во-вторыхъ, учрежденіе соответствующихъ органовъ въ Сибири, на мѣстѣ приселенія. Такими органами лучше всего могли бы служить не бюрократическія конторы, а земскія управы. По типу сибирское земство должно походило на земство вятское, вологодское и т. п.; поэтому опасеній, что мѣстныя земскія управы къ переселенческому дѣлу примѣняютъ землевладѣльческіе или другіе какіе-либо личные интересы, не можетъ быть.

По поводу сибирскаго юбилея все еще продолжаютъ печататься разнообразныя замѣтки и выражаются различныя мысли. Вотъ что мы, напримѣръ, читаемъ въ «дневникѣ Енисейца», напечатанномъ въ № 1 газеты «Сибирь».

„Наканунѣ дня, назначеннаго для празднованія 300-лѣтія Сибири, мы ничѣмъ не заявляемъ своего желанія почтить этотъ день и, по всей вѣроятности, будетъ сдѣлано только то, что приказано сдѣлать, благодаря чему празднество приметъ чисто официальный характеръ. Великое бы дѣло сдѣлалъ теперь сибирскій народъ, еслибы онъ сдѣлалъ всенародную складчину на немедленное введеніе въ Сибирь земской и судебной реформы, на введеніе которыхъ правительство, какъ объявило оно, не имѣетъ средствъ. Этимъ приношеніемъ онъ показалъ бы свою гражданскую зрѣлость и на рубежѣ своего 300-лѣтія воздвигъ бы нерукотворенный памятникъ, который могъ бы увековѣчить этотъ день. Все прошлое Сибири было крайне неирригидно для нея; только годъ введенія крупныхъ реформъ будетъ вѣчнымъ праздникомъ, нашею пасхою, которую она никогда бы не забыла“.

Слова эти принадлежатъ извѣстному енисейскому гласному, Н. В. Скорнякову.

Газета „Новости“ весьма скептически относится къ судебнымъ преобразованіямъ въ Восточной Сибири, состоящимъ въ весьма отдаленныхъ намекахъ на формы новаго суда.

„Правосудіе едва-ли будетъ въ выигрышѣ отъ предполагаемой реформы сибирскихъ судебныхъ учреждений“, говоритъ газета. „Однако, эта, неизмѣняющая сущности дѣла, ложка меда въ бочкѣ дегтя будетъ стоить нѣкоторой суммы денегъ, замѣтимъ кстати, нечисленной съ удивительной точностью, а именно: 211,429 р. 85 к.! Но, спрашивается, отчего-бы, вмѣсто подобныхъ палліативовъ, требующихъ хотя-бы ничтожныхъ, но совершенно непроизводительныхъ расходовъ, не ввести въ Сибирь прямо новыя судебныя учрежденія, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они дѣйствуютъ во многихъ губерніяхъ европейской Россіи? Препятствій къ этому, собственно говоря, никакихъ и нѣтъ, за исключеніемъ одного, по заявленію министерства финансовъ: неимѣнія денегъ на осуществленіе судебной реформы въ полномъ ея объемѣ. Здѣсь мы опять сталкиваемся лицомъ къ лицу съ однимъ изъ фактовъ, о которыхъ мы говорили только наканунѣ. Вѣдь, казалось-бы, преобразование судебной части въ Сибири не только полезное, но и необходимое и неотложное дѣло, а денегъ на него, все-таки, нѣтъ. Ихъ нѣтъ, несмотря даже на то, что послѣ трехсотлѣтняго обладанія страной мы должны были бы считать себя нравственно обязанными даровать ей хотя правосудіе, т. е. элементарнѣйшее благо всякаго мало-мальски благоустроеннаго общества. Этотъ плачъ о затруднительномъ положеніи финансовъ тѣмъ болѣе странно, что въ то время, когда наибольшей части русскаго государства приходится отказывать въ нѣсколькихъ милліонахъ на удовлетвореніе одной изъ насущнѣйшихъ потребностей, изъ казеннаго сундука незамѣтнымъ образомъ перемѣщаются въ кассы желѣзнодорожныхъ компаній не только десятки, но и сотни милліоновъ“.

Далѣе газета „Новости“ дѣлаетъ нѣкоторыя соображенія, гдѣ бы найти денегъ на сибирскую судебную реформу и останавливается на слѣдующемъ проектѣ, который едва-ли окажется удобоисполнимымъ на практикѣ.

Добыть необходимыя средства можно, по мнѣнію газеты, именно путемъ отдачи каторжныхъ и другихъ арестантовъ на работы на частныя заводы съ тѣмъ, чтобы заработная плата, слѣдуемая за ихъ трудъ, шла на содержаніе судовъ, за отчисленіемъ извѣстнаго процента въ пользу арестантовъ для предохраненія ихъ отъ рецидивизма.

Признаться, мы сомнѣваемся, чтобы такая мѣра, создающая цѣлую кабальную систему, нашла многихъ сторонниковъ. Не проще-ли было-бы вмѣсто того, чтобы прибѣгать на самомъ дѣлѣ къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, упразднить дорого стоящее генераль-губернаторство Восточной Сибири, а средства на него отпускаемыя употребить на новые суды?

Намъ прислали одну картину изъ нравовъ сибирскаго межеванія: Змѣевское село. Крестьянская изба. Въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то неприємнымъ. За столомъ сидятъ крестьянинъ и землемѣръ (крестьяне Бійскаго округа и Барнаульскаго называютъ чертежниковъ землемѣрами, которые ѣздятъ для снимки плановъ и раздѣла земель).

На столѣ бутылка очищенной, и закуска—соленые огурцы и хлѣбъ.

— «Такъ какъ же, Иванъ Ивановичъ? Нельзя-ли того, чтобъ эта земля-то была наша?»

— «Да-съ, мѣсто хорошее, а по плану-то оно значится за вашей гранью, а принадлежитъ Чун—кимъ крестьянамъ».

— «Да что и толковать... Оно хоть и по плану-то значится, а все же ты землямѣръ, можешь того»...

— «Такъ-то такъ, да вѣдь работы много будетъ».

— «Да ты, Иванъ Ивановичъ, не сумлевайся—отблагодаримъ настолько силъ хватить».

— «А чудну мельницу можно тутъ сработать: воды вдоволь, мѣсто первый сортъ! и лѣсокъ тутъ, и трава хороша»...

— «Такъ, сколько ты примѣрно возьмешь за труды-то?»

— «Да что? по знакомству пожалуй рублишекъ 50».

Мужикъ почесалъ у себя за ухомъ.

— «Да не много-ли будетъ?»

— «Что? Много?» начинаетъ землемѣръ горячиться. «Эхъ ты, ослиная банка! Да ты понимаешь-ли сколько тутъ будетъ труда, перениски» ..

— «Оно правда—того, а все же для насъ-то трудновато... Самъ знашь: хлѣба нынѣ плохи»...

— «Ну, коли не хочешь, такъ и говорить нечего»... Мужикъ подумалъ, выпилъ рюмочку очищенной и сказалъ:

— «Ну, Иванъ Ивановичъ, не сердчай, что дѣлать, согласенъ... ну, давай выпьемъ по рюмочкѣ за»... онъ недоговорилъ, не зная какъ назвать такую сдѣлку «Полюбовнаго размежеванія».

— Вотъ какъ описываются мѣстные пріисковые нравы въ Сибири и какъ объясняются порядки на тѣхъ же пріискахъ.

Пріѣзжаетъ одно лицо къ временно-исполнявшему должность горнаго исправника и застаётъ тамъ нѣсколькихъ человѣкъ. Между ними былъ знаменитый тасжый охотникъ С—ка К—ль, изобрѣтатель арканной охоты на рабочихъ. Онъ ходилъ по комнатамъ и поднимая за-разъ обѣ руки отъ локтей кверху, восклицалъ: «бунтъ, бунтъ!» Я спросилъ С—ку, гдѣ обваруженъ бунтъ. „Да развѣ это не бунтъ—вариаки, подлцы, въ числѣ восьми человѣкъ, гдѣ-то достали спирту, перенились и не вышли на работу! Какъ вамъ это покажется?“ „Что же мнѣ дѣлать?“ спросилъ исправникъ расхоловагося золотопромышленника, и послѣдній отвѣчалъ: „стегать!“ Поутру начальство обратилось къ пріѣзжему за совѣтомъ, какъ ему поступить съ восемью к—евскими рабочими? Напрасно онъ представлялъ, что лучшіе совѣтъники въ этомъ дѣлѣ—законъ. Исправникъ изложилъ другія соображенія: положимъ, С—ка не правъ, но онъ меня лишитъ расположенія и гонорара. Съ другой стороны, „дѣло можетъ выйти скверное, заключилъ исправникъ: вѣдь эти рабочіе—всѣ крестьяне. Если же не выѣду ихъ—С—ка, пожалуй, ничего мнѣ не занатить въ расчетъ.“ Результатъ соображеній вышелъ остроумный. Каждый изъ восьми рабочихъ поочередно препровождался въ казачью, получалъ порцію розогъ и являлся на кухню къ исправнику, гдѣ стряпка встрѣчала его съ чашкой спирту и ломтемъ хлѣба. Послѣ угощенія спиртомъ послѣдняго выѣченнаго, начальникъ собралъ всѣхъ восемь рабочихъ и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „неужели думаете, братцы, что мнѣ пріятно было васъ наказывать? я сѣкъ васъ, а сердце мое обливалось кровью. Но могъ ли я иначе поступить? Понимаете ли вы, сколько убытку принесли хозяину? Вѣдь долженъ же и былъ възыскать съ васъ за это, и затѣмъ, ласково потренивавъ рабочихъ по плечамъ, напутствовалъ ихъ на дорогу: ступайте съ Богомъ и слушайте хозяина!“ Это сѣченіе съ чашкой водки, чтобы не жаловались, рисуетъ рельефно сибирскіе нравы и дилемму, изъ которой не могутъ выйти горные исправники.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Кобдо (корреспон. „Вост. Обозр.“). Русская годовая торговая операція здѣсь заканчивается октябремъ; къ этому времени кончается сборъ сурка и прочаго товара, и все это отправляется на верблюдахъ въ Россію. Нынѣшній торговый годъ для русскихъ куп-

цовъ вполнѣ удачный—товаровъ привозили болѣе прошлаго года и сбыли хорошо. Сборъ здѣшнихъ товаровъ полный, хотя съ весны мало разсчитывали на сборъ сурка, но къ октябрю собралось его почти прошлогоднее количество. Соболей, куницъ, лисицъ и прочаго пушнаго товара собралось менѣе прошлаго года, но ямбоваго серебра отправлено въ Россію гораздо болѣе. Въ общемъ русскіе здѣсь торговали хорошо и въ особенности выгодно продали китайцамъ маральи рога, по вѣсу за 1½-фунтовый рогъ взяли одинъ фунтъ серебра. Всего продано здѣсь и въ Улясутаѣ 570 паръ за 47 тыс. руб.

Изъ-подъ Иркутска здѣсь получилось свѣдѣніе, что иркутскіе покупатели, за угнанный отсюда въ Иркутскъ скотъ, стговорившись, предлагаютъ довольно низкую цѣну, такъ что здѣшніе купцы не разсчитываютъ получить такой барышъ, какой получался въ прежніе годы. По дорогѣ отъ Куху-хо-то къ Кобдо вслѣдствіе засухи очень плохи кормы для верблюдовъ, такъ что доставка сюда китайскихъ товаровъ затруднительнѣе и гораздо дороже, вслѣдствіе чего весь китайскій товаръ здѣсь дорожаетъ; чай кирпичный зеленый въ августѣ продавали 1 р. 30 к., теперь продаютъ по 1 р. 50 к. и ждутъ еще болѣе дорогой цѣны. Вѣроятно и въ Кяхтѣ, вслѣдствіе дороговизны провоза, цѣна чая повысится.

Зима здѣсь стоитъ очень холодная и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выпалъ большой снѣгъ, что здѣсь бываетъ очень рѣдко, кормы для скота повсемѣстно плохи, такъ что для монголовъ нынѣшняя зима очень трудная и, вѣроятно, тяжело отразится на ихъ хозяйствѣ. Рѣки здѣсь встали 16 октября, въ ноябрѣ морозъ по ночамъ доходилъ до 26°.

Для проведенія границы по новому договору съ Россією здѣсь получилось изъ Пекина распоряженіе и серебро на расходы; а такъ какъ проводить границу здѣсь зимой совершенно невозможно, то чиновникъ, получившій серебро (имя его Ши-даромъ, прикомандированный сюда изъ дзюнь-зян-зиня кульджинской арміи) рѣшилъ на казенное серебро пока до весны спекулировать,—купилъ чаю и вѣроятно продастъ съ выгодой. Здѣсь китайскіе чиновники никогда не берутъ убытка, ибо имѣютъ возможность въ крайнемъ случаѣ заставить покупать свой товаръ монголовъ и китайскихъ купцовъ.

Киргизы, воротившіеся отъ русской границы, были здѣсь въ Кобдо, являлись съ подарками къ здѣшнему амбану и просили его дать имъ покровительство и мѣста для кочевковъ. Амбанъ согласился дать имъ мѣсто въ кобдинскомъ округѣ, но съ условіемъ, чтобы киргизы отпустили косы по китайски, и одѣвались бы въ платье китайскаго покроя. Условія эти хотя и приняли киргизы, но они для нихъ невозможны и невыполнимы, а потому съ наступленіемъ весны киргизы намѣрены кочевать въ Россію. И теперь около Кошъ-агашъ въ русскихъ предѣлахъ много зимуетъ китайскихъ киргизовъ.

9-го числа этого мѣсяца здѣсь получилось извѣстіе, что отъ Кульджи выступила по направленію къ Кобдо партія дунганъ; амбанъ сдѣлалъ распоряженіе собрать монгольское войско, и теперь идутъ приготовленія къ защитѣ города. Многіе жители Кобдо не вѣрятъ извѣстію о дунганахъ, полагая, что слухъ этотъ здѣсь распустили китайскіе чиновники, въ видахъ поживы при военномъ приготовленіи.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось видѣть здѣсь что-то въ родѣ парада; здѣшній амбанъ смотрѣлъ китайскихъ солдатъ. Боже мой, что это за войска—жалко смотрѣть на ихъ вооруженіе и обращеніе съ оружіемъ; часть солдатъ вооружена луками, часть старыми ружьями съ запальникомъ и на пять ружей одинъ шомполъ, и пятнадцать ружей тоже очень старыхъ и съ довольно тяжелыми запальниками, вдвое длиннѣе обыкновеннаго ружья; носятъ эти ружья по два человѣка и стрѣляютъ тоже вдвоемъ, и въ довершеніе всего нѣсколько солдатъ вооружено копьями и простыми палками. Ни строя, ни команды, просто толпа дикарей и ничего больше, за

то церемонія—настоящая китайская, на 20 шаговъ поставили мишень и солдаты, вооруженные луками, стали пускать стрѣлы, но даже и на такое маленькое разстояніе стрѣляли изъ рукъ вонъ плохо; вторая мишень была поставлена на 40 шаговъ, стрѣляли изъ обыкновенныхъ ружей, и тоже мало попадали въ цѣль, и заряжали довольно медленно. Затѣмъ третья мишень на 60 шаговъ, въ которую стрѣляли изъ тяжелыхъ и длинныхъ ружей; на эту стрѣльбу рѣшительно нельзя смотрѣть безъ смѣха, такъ она неудобна и такъ медленно повертывались эти несчастные солдаты, что просто жалко становилось ихъ. Солдаты, вооруженные палками и пиками, тоже безъ всякой команды, махали въ воздухѣ своимъ оружіемъ, припрыгивали, кричали и показывали видъ, что они кого-то бьютъ. Амбанъ видимо остался доволенъ солдатами и раздавалъ нѣкоторымъ подарки. Если слухъ о дунгавахъ не вымыселъ китайскихъ чиновниковъ, то на защиту китайскихъ солдатъ повидимому совсѣмъ плохая надежда.

Гор. Пишпекъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Нельзя не отнестись съ особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ рѣчи сенатора Гирса, произнесенной имъ въ Ташкентѣ 6 ноября (см. „Турк. Вѣд.“ сего года № 44) при представленіи къ нему мѣстныхъ чиновъ. Въ ней между прочимъ сказано: „правительство вынуждено было предоставить покойному генераль-губернатору права законодательной власти по нѣкоторымъ вопросамъ; между тѣмъ, какъ вамъ ближе, нежели другимъ, извѣстно, именно это право и поставило главнаго начальника края и его подчиненныхъ въ самое затруднительное положеніе. Одинъ только органическій законъ, утвержденный въ законодательномъ порядкѣ, твердый въ своемъ исполненіи и нелицеприятный въ своемъ примѣненіи, можетъ охранить, какъ частное, такъ общественное и государственное благоустройство“.

Читая эти строки, невольно возвышаешься духомъ, но еще какъ будто не вѣришь, что прежнему неограниченному всевластію и произволу приходитъ конецъ. Вѣдь до сихъ поръ еще мы, жители, состояли подъ страхомъ знаменитаго и пресловутаго распоряженія бывшаго генераль-губернатора, выраженнаго имъ въ циркулярѣ ¹⁹/₂₁ декабря 1876 г. № 8153 (см. „Турк. Вѣд.“ № 3—1877 г.), состоящаго въ томъ, что „признавая необходимымъ возвысить значеніе уѣздныхъ начальниковъ въ глазахъ туземцевъ,—я предоставляю, въ видѣ временной мѣры, начальникамъ уѣздовъ ввѣреннаго миѣ генераль-губернаторства и лицамъ, пользующимся одинаково съ ними властію право, за неисполненіе законныхъ ихъ распоряженій, всѣхъ хъ пребывающихъ въ уѣздѣ лицъ, кромѣ состоящихъ на государственной службѣ, и кромѣ также лицъ русскаго происхожденія, пользующихся, по состоянію, правами дворянъ и почетныхъ гражданъ,—подвергать аресту не свыше семи дней и денежному взысканію не свыше 15 рублей“.

Давно-ли мы слышали отъ уѣздныхъ начальниковъ: „въ осторогъ!“ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Даже въ присутствіи какого-нибудь общественнаго учрежденія нельзя было какому-нибудь полковнику, власти имѣющему, сдѣлать резонное возраженіе, сослаться на законъ. „Какой здѣсь законъ? Здѣсь законъ—генераль К.“! И это такъ беззастѣнчиво и съ такимъ апломбомъ повторялось каждый разъ, что по неволѣ, бывало, прикусишь языкъ.

Впрочемъ, кому выгодно, тѣ утверждаютъ, что сенаторъ не касается Семирѣчья, что его проекты будутъ только для Туркестанскаго края, а Семирѣчье—это, стало быть, какой-то клинъ русской земли, Богомъ отверженный; онъ отъ Туркестанскаго края отсталъ, къ Сибири не присталъ, онъ управляется... неизвѣстно какимъ положеніемъ. Одинъ совѣтникъ разъ съострилъ: „но принимая во вниманіе исключительное положеніе *), мы руководствуемся разными законами, иногда даже кодексомъ Юстиніана“. Куда бы намъ

дѣваться отъ этого исключительнаго положенія? Избави насъ Господи этого „исключительнаго положенія“ и не лиши русскихъ людей покровительства русскихъ законовъ. Но это, вѣроятно, невозможно будетъ ожидать на практикѣ, пока всѣ вѣдомства будутъ подчинены одному, какъ теперь, и судебная часть не сдѣлается отдѣльною и самостоятельною, какъ въ Имперіи.

Нынѣ у насъ только двѣ судебныя инстанціи: мировой судья и областное правленіе, замѣняющее мировой съѣздъ, на которое даже не допускается кассациіа,—или правильнѣе—она отмѣнена, хотя г. Кауфманомъ въ послѣднее время и была допущена.

Итакъ, наши „далекія окраины“ какое-то *status in statu* по характеру сконцентрированнаго режима и по мѣстоположенію близкое къ Китайской имперіи. Мы прежде еще смѣялись надъ ташкентцами (Боже мой! надъ чѣмъ человѣкъ не можетъ смѣяться, даже надъ самимъ собою, надъ своимъ горемъ! такова человѣческая натура!); а теперь намъ изъ Ташкента начали сообщать о свѣтломъ будущемъ! Намъ пишутъ оттуда, что предполагается тамошнюю администрацію подчинить министерству внутреннихъ дѣлъ, а не оставлять въ исключительномъ вѣдѣніи генераль-губернатора, ибо новый генераль-губернаторъ самъ желаетъ прежде всего законности, такъ выразился г. сенаторъ.

А въ Вѣрномъ все еще будутъ, вѣрно, смѣяться: какая у васъ городская дума, когда о ней даже неизвѣстно въ Петербургѣ, т.-е. въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коему она не подчинена.

Хабаровка (корресп. „Восточн. Обзор.“). Иллюстраціей мѣстныхъ административныхъ порядковъ можетъ служить исторія здѣшняго купца Василія Плюскина. Хабаровскій купецъ Андрей Плюскинъ, умирая, завѣщаль свое имущество частью своей женѣ, а главнымъ образомъ своему брату Василію Плюскину, торговавшему до тѣхъ поръ отъ имени брата въ Камень-Рыболовъ. Получивъ отъ брата капиталъ около 100,000 р., Василій Плюскинъ переселяется въ Хабаровку, чтобы продолжать ту же торговлю, которую велъ его братъ. Ему нужно было послать опытнаго приказчика въ Москву для покупки новыхъ товаровъ. Конторщикъ покойнаго Андрея Плюскина рекомендуетъ ему послать съ этою цѣлью Русанова. Плюскинъ поручаетъ Русанову отправиться въ Москву и совершить закупъ товара на сумму 100,000 р. Г. Русановъ оставилъ Хабаровку въ ноябрѣ 1880 г.; въ мартѣ 1881 г. онъ телеграммой извѣстилъ своего хозяина, что товары отправятся изъ Одессы 20 или 25 апрѣля, и что ихъ куплено на сумму 160,000 р. На самомъ же дѣлѣ грузъ былъ принятъ на корабль только въ іюль, потому что г. Русановъ опоздалъ прибыть въ Одессу для сдачи товара ко дню отплытія апрѣльскаго крейсера добровольнаго флота и долженъ былъ дожидаться отхода слѣдующаго крейсера. Вслѣдствіе такой нераспорядительности г. Русанова товаръ пришелъ въ Хабаровку только 9 октября, когда уже прекратилась навигація по Амуру, такъ что г. Плюскинъ не могъ въ то же лѣто отправить товаръ въ Камень-Рыболовъ. Замедленіе товара въ пути и покупка его на сумму гораздо значительнѣйшую, чѣмъ было въ хозяйскомъ проектѣ, должно было отозваться убытками на торговлѣ г. Плюскина. Затѣмъ, г. Русановъ отказался сдать товары лично, оставилъ службу у г. Плюскина, не дослуживъ 29 дней до срока и выбрался секретно изъ дома Плюскина на частную квартиру. Г. Плюскинъ обратился къ полиціи съ просьбою пригласить г. Русанова къ сдачѣ товаровъ и къ присутствованію при раскупоркѣ товаровъ, но полиція ничего по этой просьбѣ не сдѣлала. Раскупорка товаровъ была произведена безъ г. Русанова; оказалось, что нѣкоторыхъ

*) Любимая фраза во многихъ мѣстныхъ циркулярахъ, какъ и въ приведенномъ выше.

товаровъ противъ хозяйскаго проекта, необходимыхъ въ краѣ, г. Русановымъ вовсе не было куплено, вмѣсто же того закуплены были на значительную сумму мало-сбываемые товары; сукна куплено на 11,000 болѣе противъ проекта; шубъ, пальто, сюртуковъ, брюкъ вовсе хозяиномъ не предполагалось къ покупкѣ, а закуплено на 4,000 р.; швейныхъ машинъ, вовсе не требовавшихся, на 500 р.; галантерейныхъ вещей куплено на 8,000 р. болѣе противъ смѣты. Общій убытокъ г. Плюскинъ оцѣниваетъ въ 79,000 р. Онъ возбудилъ преслѣдованіе противъ г. Русанова, требуя подвергнуть его уголовному наказанію. Полицейское управленіе произвело слѣдствіе и представило его на разсмотрѣніе областнаго стряпчаго Будаковича; стряпчій принялъ сторону г. Русанова; онъ не усмотрѣлъ изъ дѣла никакихъ злоупотребленій Русанова и заключилъ освободить послѣдняго отъ производства слѣдствія и передать дѣло въ окружный судъ Приморской области, какъ дѣло гражданское исковое. Г. Русановъ былъ отданъ хабаровскому купцу Попову на поруки безъ всякаго денежнаго обезпеченія убытковъ Плюскина и ему былъ дозволенъ выѣздъ изъ Хабаровки во внутреннія губерніи Россіи. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, онъ оставилъ Хабаровку, давъ довѣренность купцу Михайлову на веденіе дѣла по иску г. Плюскина. Это было противозаконно; г. Михайловъ самъ участникъ въ злоупотребленіяхъ, въ которыхъ г. Плюскинъ обвиняетъ г. Русанова; г. Михайловъ подавалъ и Русанову въ Москву телеграммы о покупкѣ вещей по частному заказу для постороннихъ лицъ, однако на деньги г. Плюскина, и г. Русановъ исполнилъ этихъ заказовъ на 600 р. помимо согласія хозяина; затѣмъ, г. Михайловъ вмѣстѣ съ г. Русановымъ ранѣе состояли на службѣ у г. Плюскина и г. Михайловъ рекомендовалъ г. Русанова для поѣздки въ Москву. Наконецъ, г. Русановъ доставлялъ въ 1881 г. товары изъ Москвы для г. Михайлова, поступилъ къ нему на службу приказчикомъ и, кажется, вступилъ съ нимъ въ компанію по торговлѣ. Дальнѣйшее веденіе дѣла г. Плюскинъ поручилъ своему довѣрителю, который и подалъ жалобу военному губернатору. Областной стряпчій усмотрѣлъ въ немъ оскорбительныя слова относительно своего лица, и представилъ губернатору просьбу о преданіи довѣрителя за то суду. Такъ какъ при этомъ онъ представилъ и прошеніе довѣрителя, снабженное марками на отвѣтъ, то дѣло и затормозилось. Выраженія, употребленныя довѣрителемъ, ничего въ себѣ рѣзкаго не заключаютъ; они только оспариваютъ правильность сужденія г. стряпчаго; неужели же г. Б..... думаетъ, что усомниться въ его знаніи законовъ, въ логичности его доказательствъ и сказать, что защищая одного, онъ упускаетъ изъ виду интересы другаго, значить совершить преступленіе? Послѣ этого какимъ же тяжкимъ преступленіемъ будетъ всякая подача жалобы на г. стряпчаго? Затѣмъ не мѣшаетъ спросить г. Б....., отчего онъ оскорбился выраженіями прошенія Плюскинскаго довѣрителя не тотчасъ, какъ оно было подано, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда въ Хабаровку возвратился г. Русановъ? Дальнѣйшій ходъ дѣла усложнился новымъ обстоятельствомъ; умерла вдова Авдрея Плюскина; по ея смерти найденъ пакетъ; вскрывъ его, нашли завѣщаніе, которымъ покойная все свое имущество передавала въ собственность своему племяннику Николаю Васильевичу. При этомъ она передавала ему же право на владѣніе домомъ и на долю ожидаемаго съ приисковъ золота. Домъ родовое имущество братьевъ Плюскиныхъ; законный наслѣдникъ приисковъ также Василій Плюскинъ, который уже и затратилъ на нихъ свой капиталъ. Поэтому Василій Плюскинъ протестовалъ противъ засвидѣтельствованія этого завѣщанія тѣмъ болѣе, что при изслѣдованіи его оказалось, что составитель завѣщанія, переписчикъ и рукоприкладчикъ противозаконно совмѣстились въ одномъ лицѣ, въ томъ

же г. Михайловѣ, который замѣшанъ въ Русановскомъ дѣлѣ; далѣе, завѣщаніе по листамъ никѣмъ не скрѣплено, а подписано только двумя свидѣтелями, приказчиками все того же г. Михайлова, изъ которыхъ одинъ Русановъ. Несмотря однако на то, что завѣщаніе не было засвидѣтельствовано окружнымъ судомъ, полиціе-мастеръ г. Хомяковъ поторопился ввести Ник. Васильева во владѣніе имуществомъ на сумму около 10,000 руб. Вѣроятно законъ восторжествуетъ, но пока законный владѣлецъ будетъ признанъ въ своихъ правахъ, отъ имущества пожалуй ничего не останется; временный владѣлецъ его Ник. Васильевъ, простой солдатъ, уже началъ спускать вещи одиѣ за другими; енотовая шуба, брилльянтоваыя вещи уже красуются на чужихъ плечахъ и шеяхъ.

Зайсанскій постъ (корресп. „Вост. Обозр.“), 20 декабря. Тяжело жить на окраинахъ Сибири, особенно въ такихъ палестинахъ, какъ Зайсанскій постъ. Служилому человѣку влачить дни свои здѣсь еще туда-сюда, а вотъ выселяющемуся люду жутко-таки приходится. Дороговизна здѣсь страшная: пшеничная мука, наприжѣръ, продается по 1 р. 50 к. за пудъ, а въ прошломъ году доходила до 2 р. 40 к.; повышались на нея цѣны благодаря мажачеству скупщиковъ и крайнему невниманію и безпечности мѣстныхъ властей къ нуждамъ населенія; прочіе продукты стояли въ такой же сравнительно высокой цѣнѣ: ржаная мука продается по 1 р. и 1 р. 25 к. за пудъ, ея впрочемъ не всегда можно найти на рынкѣ; крупа ячменная 1 р. пудъ, мясо скотское 2 р. 80 к. за пудъ, баранье 2 р. 40 к., масло топленое 10 р. пудъ, сало баранье, замѣняющее масло у нуждающагося народа 6 р. пудъ, курица отъ 40 к. до 50 к. за штуку, 100 яицъ доходить до 7 р. Дрова лиственничныя отъ 4 до 6 р. Чай кирпичный (кирпичъ въ 2 ф.) продается по 1 р. 30 к., чай фамильный отъ 1 р. 60 к. до 2 р. за фунтъ (это на границѣ съ Китаемъ!), сахаръ 14 р. пудъ. Относительно предметовъ для одѣянія и говорить нечего, они до крайности дороги и въ большинствѣ составляютъ бракъ и гниль никуда негодную, привозимую здѣшними „сатарами“ съ ирбитской ярмарки; за невѣніемъ лучшаго зайсанцы и киргизы волей-неволей берутъ всю эту рухлядь, да потомъ съ ней и плачутся. Вся торговля въ Зайсанѣ основана на самой наглой эксплуатаціи, тяжелымъ гнетомъ лежащей на небогатомъ мѣстномъ населеніи. Но вотъ грядетъ еще болѣе горшее бѣдствіе: носится слухъ, что здѣсь предполагается построить винокуренный заводъ. Въ Зайсанѣ нѣтъ еще хорошо устроенной русской школы, на устройство и открытіе которой до сихъ поръ не могутъ изыскать средствъ, а на кабакъ *en grand* ихъ находится достаточно! Предпринимателями по устройству здѣсь винокуреннаго завода, по слухамъ, являются два семипалатинскіе капиталиста, золотопромышленникъ Степановъ и кузнецъ Плещеевъ. Отчего бы этимъ, вновь нарождающимся винокурамъ, вмѣсто того, чтобъ производить ядъ для отравы населенія, не положить свои капиталы на болѣе полезное и не менѣе выгодное дѣло, ну, вотъ хотя бы на керосиновое провзводство въ здѣшней мѣстности? Керосинъ въ Зайсанѣ продается отъ 30 до 40 к. за фунтъ; матеріала для керосинового провзводства здѣсь имѣется вдоволь: вверхъ по р. Кевдерлыку, верстахъ въ 30-ти и ближе къ поселку казачьяго того же названія, находятся источники петролеума, которые укажетъ любой казакъ. Стоитъ только эти источники расчислить, пробуровать колодцы, а затѣмъ уже рафинированіе горнаго масла фабричнымъ способомъ въ рукахъ заводчиковъ. Съ пониженіемъ цѣны на керосинъ освѣщеніе это распространится здѣсь быстро. Сбытъ керосина будетъ обширный. Въ бытность свою въ Зайсанскомъ посту степной генераль-губернаторъ Колпаковскій выразилъ желаніе, чтобы казармы освѣщались керосиномъ; мѣстное офицерство, чиновничество, купечество и горожане также не прочь освѣщаться имъ;

затѣмъ запросъ на него будетъ, по всей вѣроятности, поступать и изъ другихъ городовъ запад. Сибири и вѣроятно также изъ притѣянъ-шаньскихъ китайскихъ городовъ. Кромѣ нефти матеріаломъ для производства керосина можетъ служить каменный уголь, находящійся на югѣ Семипалатинской области въ изобиліи. Стоимость перегонныхъ аппаратовъ для перегонки дегтя (каменноугольнаго) и петроля будетъ нисколько не дороже аппаратовъ винокуренныхъ. Наше сердце лежитъ ближе къ такимъ предпринимателямъ, которые положили бы капиталы свои на производство „свѣта“, а не тьмы и отупѣнья своего ближняго.

Изъ Оренбурга (корресп. „Восточн. Обозр.“). Городъ Казалинскъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ пріютилъ первыхъ русскихъ колонистовъ, которые частью прибыли изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній Россіи, частью изъ Оренбургской губерніи. Эта эмиграція мотивировалась желаніемъ нашего правительства составить современемъ надежный оплотъ противъ хивинскихъ и кокавдскихъ хищниковъ, которые стали часто являться въ южныхъ предѣлахъ Оренбургскаго края и производить баранту и грабежи среди кочевниковъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ. Такія обстоятельства заставили наше правительство мало-по-малу подвинуть въ глубь степи наши передовые укрѣпленные посты и выстроить цѣлую линію фортовъ, назначеніе которыхъ заключалось въ томъ, чтобы служить сборными пунктами и резервами для русскихъ войскъ, ведущихъ атаку противъ хищниковъ. Такъ были возведены сначала Ранимъ, потомъ Фортъ № 1, нынѣшній городъ Казалинскъ, Фортъ Карабутавъ, Уральское укрѣпленіе, Темиръ и многіе другіе.

Съ другой стороны, въ видахъ опыта колонизаціи степей, администрація спѣшила водворить поселенцевъ по Сыръ-Дарьѣ. По вызову, сдѣланному на этотъ предметъ, явился голодный людъ, уже превратившійся въ бездомниковъ и пролетаріевъ на своей сторонѣ. Въ видахъ поощренія поселенцевъ имъ были отведены даровыя угодья и нѣкоторыя льготы, причемъ они должны были служить матеріаломъ для основанія Сыръ-Дарьинскаго казачества, по примѣру нынѣ существующаго Семирѣченскаго войска. Эта идея всецѣло принадлежитъ графу В. А. Перовскому, бывшему два раза оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

Графъ задумалъ занятіемъ Сыръ-Дарьинской линіи сдѣлать ее пограничнымъ фронтомъ противъ шаекъ хивинцевъ и кокавдцевъ, дѣлавшихъ набѣги на мирныхъ киргизовъ. Въ то время не было еще и рѣчи о покореніи Ташкента, Самарканда, Хивы и Андиждана, и Сыръ-Дарьинская линія почиталась операціоннымъ базисомъ всѣхъ стратегическихъ комбинацій. Въ этихъ видахъ, чтобы образовать какъ-бы резервное войско, казалинскіе эмигранты названы „казалинскими поселенными казаками“ и, на случай открытія военныхъ дѣйствій, они обязывались выставить изъ своей среды 2 и 3 сотни конныхъ вооруженныхъ казаковъ, и за это были освобождены отъ податей и другихъ повинностей. Сверхъ этого имъ предоставлены, какъ средство къ пропитанію, всѣ пахатныя земли въ урочищѣ Айгерикъ, гдѣ жили прежде каракалпаки, и гдѣ впоследствии кормилось отъ хлѣбныхъ посѣвовъ до 10,000 ордынцевъ. Положеніе казалинскихъ поселенцевъ считалось далеко небезопаснымъ на берегахъ Сыръ-Дарьи. За чертою крѣпостныхъ верковъ по берегамъ Сыра начинались непроходимо-густыя камыши; далѣе, весь лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи представлялся поросшимъ на большое пространство лѣсомъ саксаула, который достигалъ 3 сажень высоты и занималъ всю мѣстность между русломъ рѣки и Аральскимъ моремъ. Въ камышахъ скрывались тигры, которые отваживались даже приближаться къ жилищамъ и киргизскимъ ауламъ, нападая на женщинъ и дѣтей, а въ лѣсахъ скрывались хищники кара-киргизы и

хивинцы, стерегущіе какую-нибудь добычу. Пользуясь привычкой казаковъ вѣрять конскіе табуны мальчишкамъ, они отбивали у нихъ лошадей и даже самихъ ихъ продавали въ плѣнъ въ Хиву. Особенно имъ льстила добыча русскихъ людей, которыхъ они продавали на хивинскихъ базарахъ и получали еще за это подарки отъ хивинскаго хана. Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ природою, съ хищными звѣрями и съ дикими народами, казалинскимъ поселенцамъ нужно было заводить хозяйство на новыхъ мѣстахъ. Да притомъ это было и не такъ легко. Низменные мѣста, затопляемые разливомъ Сыръ-Дарьи, были почти сплошь покрыты камышами и кугой, а болѣе высокія мѣста колючкою, которая заглушала посѣвъ. Остальныя мѣста представляли изъ себя такую бесплодную пустыню, что сѣятеля не рѣшались вѣрять этой почвѣ дорогія сѣмена, зная, что всходы здѣсь при отсутствіи весною дождей ненадежны. Между тѣмъ, еще не такъ давно въ прошломъ, долина Айгерикъ прославилась своимъ плодородіемъ и каракалпаки, воздѣлывавшіе эту землю, не только кормились отъ нея, но даже продавали лишнее зерно. Весь секретъ этихъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ заключался въ томъ, что они умѣли устроить ирригаціонныя сооруженія, при помощи которыхъ весь правый берегъ Сыра былъ орошенъ арыками и черезъ это бесплодные глинистые солончаки превратились въ тучныя плодородныя нивы, на которыхъ росли: пшеница, ячмень, виноградъ, рисъ и фруктовыя деревья. Вся эта страна была густо населена, что подтверждается развалинами кишлаковъ и городовъ, уцѣлѣвшими на обонхъ берегахъ Сыръ-Дарьи. Но недолго продолжалось счастье трудолюбивыхъ поселенцевъ - каракалпаковъ. Хивинцы съ завистію смотрѣли на ихъ житье и претерпѣвая не разъ обиды отъ воинственныхъ племенъ туркменъ, дѣлавшихъ на нихъ частыя набѣги, направили этихъ дикарей на каракалпацкіе мирные кишлаки, обѣщая имъ богатую добычу. И дѣйствительно, хищные туркмены разграбили каракалпацкія селенія, перебили мирныхъ поселянъ, завладѣли ихъ добромъ, уничтожили всѣ ихъ долготѣніе труды и продали въ рабство въ Хиву ихъ женъ и дѣтей.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СТРАНСТВІЙ ПО МОНГОЛИИ.

(Дневникъ г. Сафьянова *).

Въ 1872 году, когда еще не былъ извѣстенъ скотогонный путь изъ Минусинска чрезъ Монголію въ Иркутскъ, мнѣ предложилъ свои услуги одинъ казачій офицеръ изъ села Каратузскаго, Иванъ Алексѣевичъ Терсковъ, въ указаніи самаго удобнаго и кратчайшаго скотогоннаго пути изъ Минусинскаго округа чрезъ Амыльскія промысла на р. Ситикемъ, а оттуда чрезъ хребетъ Ергикъ-Иргакъ-Тайга въ Иркутскую губернію.

Не имѣя основанія сомнѣваться въ опытности и знаніи этого пути г. Терсковымъ, я купилъ въ минусинскомъ округѣ у абаканскихъ инородцевъ 240 лошадей, имѣя въ виду, что если намъ удастся хорошо прогнать этимъ путемъ табуны лошадей, то для минусинскихъ скотопромышленниковъ сдѣлалась-бы весьма важное открытіе, узнавши новый удобный путь для прогона скота въ Иркутскую губернію. Взявши съ собою одиннадцать человѣкъ рабочихъ, вообще людей очень хорошихъ, изъ нихъ 8 ч. инородцевъ и 3-хъ ч. русскихъ,

*) Настоящій дневникъ принадлежитъ г. Сафьянову, лицу пролагающему вновь пути русской торговли въ Монголію. Дневникъ этотъ представляетъ особенный интересъ въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Онъ переданъ намъ Г. Н. Потанинымъ.

мы 20 іюля, благословляемые на новое дѣло нашими родными и знакомыми, отправились въ путь.

Дорога отъ Минусинска шла сначала на востокъ въ Каратузь, затѣмъ по долину р. Амыла; далѣе мы перевалили водораздѣльный хребетъ, изъ котораго берутъ начало рѣчки системы Амыла, протекающей въ Минусинскомъ округѣ и системы Систикема, протекающей уже въ странѣ сойотовъ; 3 августа мы спустились въ долину р. Систикема.

Описывать этотъ путь я не буду, такъ какъ эти мѣста, какъ мнѣ извѣстно, уже посѣтили нѣкоторые ученые путешественники, между прочимъ и г. астрономъ Шварцъ. Дневникъ свой я начну съ того мѣста долины р. Систикема, гдѣ въ него впадаетъ р. Бляликъ.

3 августа. Мѣсто нашей стоянки широкая луговая долина, покрытая роскошной богатой растительностью, свойственною таежнымъ лугамъ. Долина эта окружена со всѣхъ сторонъ горами значительной высоты: вдаль къ сѣверу виднѣлись снѣжныя вершины Ерчакъ - Иргакъ - Тайги. Всѣ горы покрыты были лѣсомъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ ели, пихты и кедра. Мѣстами въ горахъ виднѣлись утесистыя обнаженія. На этой долину мы остановились дня на два, чтобы приготовить плотъ для сплава нашего багажа внизъ по р. Систикему, багажа, состоящаго изъ 10 пудовъ сушенаго мяса и 20 пудовъ сухарей, кромѣ того изъ небольшого количества чаю, сахару, табаку и другихъ необходимыхъ для дороги принадлежностей, всего пудовъ до 40. Запасъ этотъ мы считали вполне достаточнымъ, даже съ избыткомъ, на весь нашъ путь до самаго Иркутска до того мы были увѣрены въ успѣхъ нашего предпріятія.

5 августа мы отправились въ дальнѣйшій путь внизъ по теченію р. Систикема, по направленію къ югу. Намъ нужно было пройти по долину этой рѣки верстъ 70. Весь этотъ путь, хотя не съ большими удобствами, но и безъ особенныхъ затрудненій, мы прошли въ три дня, все придерживаясь долины рѣки. Но такъ какъ Систикемъ на всемъ этомъ пространствѣ течетъ извиристо, и мѣстами окружающія довольно высокія горы своими крутыми утесами и обрывами подходятъ къ руслу рѣки, то въ такихъ случаяхъ мы проходили въ бродъ; такихъ бродовъ было болѣе 15-ти. Въ двухъ мѣстахъ, какъ помнится, на половинѣ дороги рѣка протекала въ такъ называемыхъ „щекахъ“, а такъ какъ подняться на горы было очень затруднительно, то мы должны были пуститься вплавъ со всѣмъ табуномъ лошадей. Характеръ мѣстности уже началъ измѣняться на второй день нашего пути: приблизительно съ 25-й версты, сначала появилась сосна въ перемежку съ елью и лиственницей, а затѣмъ лѣса начали болѣе рѣдѣть; травяная растительность тоже сильно измѣнилась; она напоминала мнѣ луга долины р. Уса, при выходѣ послѣдняго изъ горъ близъ деревни Усинской, т. е. съ большинствомъ кормовыхъ растеній, свойственныхъ степнымъ лугамъ. Рѣчекъ, заслуживающихъ это названіе, на всемъ этомъ пути мы встрѣтили только двѣ: Сикемъ и Себи; затѣмъ много небольшихъ ключей, названія которыхъ я не знаю. Сикемъ и Себи впадаютъ съ правой стороны, первая приблизительно въ 60-ти верстахъ, а вторая въ 40 верстахъ отъ устья Систикема. На третій день, къ вечеру мы остановились на ночлегъ на берегу Систикема, въ 10 верстахъ отъ его устья, противъ сойотскаго улуса, расположеннаго на противоположномъ берегу рѣки.

8 августа. Дневка. Улусъ, около котораго мы остановились, состоялъ всего изъ 3 юртъ; юрты берестяныя коническія; жители этого улуса, сойоты вѣдомства Тоджинскаго Ухереды; они всѣ звѣропромышленники, живутъ бѣдно. Весь ихъ скотъ состоялъ изъ табуна лошадей въ 15-ть головъ и нѣсколькихъ коровъ и овецъ; кромѣ того есть еще у нихъ олени, но послѣдніе паслись въ это время на ближайшихъ горахъ на тундрѣ, и мы ихъ не видѣли.

Зимою олени употребляются для ѣзды, въ особенности во время звѣрованія, запряженные въ парты; лѣтомъ ѣздятъ на нихъ верхомъ въ сѣдлѣ. Для насъ, русскихъ, крайне интереснымъ показался способъ заготовленія здѣсь сѣна, чего мы до сихъ-поръ не видали у степныхъ сойотовъ. Обыкновенныхъ нашихъ кося они повидимому не знаютъ. Срѣзавъ обыкновенными сойотскими ножами, длиною въ 6 и 7 вершковъ, сырую траву, скручиваютъ ее въ канаты длиною сажени въ двѣ и три, а толщиною въ діаметрѣ до 3-хъ вершковъ. Канаты эти развѣшиваютъ на ближайшія деревья. Оригинальная картина! Зимою эти канаты развѣтываютъ и получаютъ прекрасное, душистое зеленое сѣно *). Долина, на которой расположено улусъ, имѣетъ въ ширину до 2-хъ верстъ. Мѣстность прекрасная, живописная, растительность богатая. По всей долину растутъ въ одиночку сосны; берега рѣки окаймлены черемухой, тальникомъ и другими мелкими кустарниками. Такъ какъ отсюда мы отправились влѣво, по равнинѣ, лежащей между рр. Систикемомъ и Камсарой, то мы должны были оставить здѣсь свой плотъ, и 9 августа направились къ р. Камсарѣ. Въ этотъ день мы прошли только 10 верстъ и остановились почевать на той же равнинѣ, около небольшого ручейка на роскошной полянѣ, окруженной сосновымъ лѣсомъ.

10 августа мы пришли на большую рѣку Камсару (притокъ рѣки Пейкема) приблизительно верст. въ 17 отъ устья, устроили здѣсь плотъ для переправы багажа и въ тотъ же день переправились на лѣвый берегъ Камсары; лошади перешли вплавъ. Камсара довольно большая, глубокая и притомъ очень быстрая рѣка. Переправа чрезъ нея здѣсь не безопасная; много камней по срединѣ рѣки, между которыми вода бушуетъ, какъ въ порогахъ. Здѣсь мы остановились почевать. Мѣстность ровная луговая, поросшая рѣдкимъ лѣсомъ; растительность богатая кормовою травою.

11 августа отъ Камсары путь нашъ лежалъ вправо къ р. Ія; какъ я могъ узнать, р. Ія вытекаетъ изъ большаго озера, лежащаго на значительной высотѣ хребта Ергикъ-Иргакъ-Тайга, верстъ 70 выше того мѣста, гдѣ мы останавливались. По тѣмъ же мѣстнымъ показаніямъ, Іяское сзеро довольно глубокое, имѣетъ нѣсколько верстъ въ діаметрѣ, и изобилуетъ громаднымъ количествомъ рыбы. Изъ рыбъ въ немъ водятся: таймень, хайрузъ, щука и разные виды сига. Рыбы такъ много, что зимою на мелкихъ мѣстахъ, гдѣ рѣчка свободна отъ льда, ее берутъ прямо руками, для чего сойоты входятъ по колѣни въ воду и иногда одинъ сойотъ набрасываетъ нѣсколько кучъ такой рыбы, въ особенности сига. Къ вечеру мы остановились на ночлегъ на берегу р. Ія. Здѣсь расположено много сойотскихъ юртъ, жители которыхъ главнымъ образомъ занимаются рыболовствомъ и звѣриннымъ

*) Тотъ же способъ заготовленія сѣна употребляется и въ Алтай телятниками.

промысломъ. Достойно замѣчаніа, что уровень воды р. Ии остается одинъ и тотъ же въ продолженіи всего года. Въ этомъ увѣряли меня всѣ сойоты, живущіе въ долинѣ этой рѣки.

12 августа. Мы перешли р. Ю и отправились на востокъ, по открытой большой полустепной равнинѣ до рѣчки Тогракема, притока рѣки Пейкема съ правой стороны, лежащаго верстахъ въ 15-ти отъ р. Ии. Здѣсь мы встрѣтили большой улусъ, въ которомъ живетъ и Ухереда Тодчжинскихъ сойотовъ. Хотя этотъ улусъ и пользуется извѣстностію у всѣхъ сойотовъ тодчжинскаго вѣдомства, но на самомъ дѣлѣ по бѣдности своей онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ улусовъ этой мѣстности. Всѣ юрты коническія, берестяныя; обстановка юрты у простыхъ сойотовъ крайне бѣдна; вмѣсто шитыхъ войлоковъ (чедракъ), обыкновенной принадлежности въ юртѣ степныхъ сойотовъ, здѣсь служатъ олени шкуры, большею частію крайне потертыя; вмѣсто раскрашенныхъ ящиковъ (абдра)—кожаныя сумы (барбы); да и самыя юрты представляютъ родъ шалашей. Единственная юрта Ухереды вѣскольکو болѣе и удобнѣе и съ нѣкоторою претензіею на роскошь; въ ней я встрѣтилъ раскрашенные ящики, кошмы съ узорами, этажерку для посуды, поставецъ для бурхановъ и еще кое-что, какъ подобаетъ такому важному чиновнику и обладателю 200 головъ домашняго скота и табуна оленей до 300 штукъ. За исключеніемъ еще 2—3 чиновниковъ, имѣющихъ скотъ, всѣ остальные сойоты тодчжинцы держатъ только оленей въ небольшомъ количествѣ, а такъ какъ и ихъ звѣриныя промыслы не такъ велики, чтобы въ продолженіи всего года прокормить семью, то они питаются болѣе растительною пищею, которую даетъ имъ окружающая ихъ природа. Употребляютъ кандыкъ, сарану и листовничную заболонь, въ особенности же кедровые орѣхи. Изъ орѣховъ на зиму заготавливаютъ колобки величиной въ кулакъ. Какъ подспорье, еще добываютъ рыбу. Мѣстность, гдѣ расположенъ улусъ Ухереды—равнина, окруженная горами, поросшими лѣсомъ; невдалекѣ отъ этого улуса на лѣвомъ берегу рѣки Пейкема находится и Тодчжинская кумирня. Для меня этотъ улусъ въ особенности памятенъ тѣмъ, что здѣсь г. Терсковъ, нашъ вожакъ, въ первый разъ заявилъ мнѣ, что дальнѣйшаго пути онъ не знаетъ, и что онъ только слышалъ, что отсюда надо подняться на ближайшій хребетъ, и что съ сѣвернаго склона этого хребта текутъ Иркутъ и другія рѣки системы Ангары. Такое заявленіе до крайности напугало весь нашъ караванъ. Надо было принимать крайнія мѣры. Возвращаться обратно въ Минусинскъ было невысказано уже изъ одного самолюбія, не говоря о потерѣ времени и труда. Съ другой стороны, прогнать такой большой табунъ лошадей по неизвѣстному пути, было очень рискованно. Я рѣшился однако во что бы ни стало подвигаться впередъ. Прежде всего я обратился съ разспросами къ Ухередѣ, и зная сойотскій языкъ, а также будучи хорошо знакомъ и съ сойотскою дипломатіею, я въ продолженіи двухъ дней могъ узнать только, что Ухереда дѣйствительно слышалъ, что есть рѣка Ангара, и что на ней лежитъ большой городъ, въ которомъ проживаетъ очень важный русскій Дзянзюнь, и затѣмъ, что попасть на эту р. Ангару лѣтомъ невысказано, что дороги туда никакой вѣтъ, и что они, сойоты, живущіе по притокамъ Систикема и Пейкема, иногда, и только зимою, сѣзжаются на близлежащій пограничный хребетъ для мѣновой торговли съ русскими подданными бурятами, живущими

по рѣчкѣ Тисѣ и другимъ притокамъ р. Оки. Два дня прошло въ такихъ дипломатическихъ переговорахъ, причѣмъ я долженъ былъ прибѣгнуть къ нѣкоторой хитрости, заявивъ, что лошади не мои, а русскаго правительства, и что сойоты, если не дадутъ намъ проводника, то за безвыходностію своего положенія я долженъ буду оставить весь свой табунъ на Тогракемѣ, на полной отвѣтственности Ухереды. Такое категорическое заявленіе имѣло тотъ успѣхъ, что наконецъ, за извѣстную плату мнѣ дали проводника до русской границы, т.-е. до того пункта, гдѣ сѣзжаются для торговли русскіе промышленники буряты съ сойотами. Здѣсь мнѣ предлагали и другой путь, будто-бы болѣе удобный, вверхъ по Шишкиту, но я отказался отъ послѣдняго, потому что и этотъ путь также не былъ имъ хорошо извѣстенъ и къ тому-же былъ болѣе дальній.

Наконецъ, 17 августа мы отправились въ дальнѣйшій путь, имѣя впереди новаго проводника, съ котораго мы не спускали своихъ глазъ, боясь, чтобы онъ не бросилъ насъ. Сначала путь нашъ шелъ влѣво отъ улуса по равнинѣ верстѣ 6, а затѣмъ, мы сдѣлали небольшой подъемъ въ гору, переваливши которую мы остановились на почлегѣ въ лѣсу, состоящемъ изъ листовничныя съ примѣсю сосны. Трава здѣсь довольно хорошая, корму было достаточно. На этой стоянкѣ мы принуждены были убить первую лошадь для того, чтобы увеличить свои сѣстные припасы, сильно поистощавшіеся; это тѣмъ болѣе было необходимо, что г. Терсковъ и трое изъ работниковъ не были въ состояніи ѣсть конину, и мы должны были оставить на ихъ долю большой запасъ другой пищи.

18 августа нашъ путь шелъ все въ гору и мы подошли къ небольшому горному озерку съ каменистымъ дномъ; вправо отъ насъ видѣлось довольно большое озеро (названія не упомяну); впереди видѣлись горы, поросшія тайгою. Грустная мысль выражалась на лицѣ всѣхъ насъ, по мѣрѣ того, какъ мы далѣе и далѣе углублялись въ неизвѣстную для насъ страну, хотя на словахъ мы взаимно и сбодряли другъ друга. Въ этотъ день мы прошли только 10 верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ почва каменистая, поросшая скудною растительностію, преобладаютъ мхи и лишайники.

На всемъ этомъ пути улусовъ мы не видѣли; встрѣтили только 3-хъ верховыхъ сойотовъ, у одного изъ нихъ я увидѣлъ привязанную къ сѣдлу оригинальную волосяную сѣтку; на вопросъ мой о ея назначеніи, мнѣ пояснили, что это неводокъ для неглубокихъ водъ и предложили, разумѣется за извѣстное вознагражденіе, наловить рыбы изъ близлежащаго озера, на что, конечно, я съ радостію согласился. И мы въ какихъ-нибудь полчаса времени получили достаточно количество рыбы для обѣда 14 человекъ, и еще сдѣлали запасъ пуда $1\frac{1}{2}$, предварительно очистивши и посоливши доставленную намъ, такимъ неожиданнымъ путемъ, рыбу.

Способъ ловли рыбы довольно простъ и оригиналенъ: всадникъ вѣзжается въ озерко, бросаетъ въ него свою сѣтку, и, придерживая арканомъ одинъ изъ ея концовъ, кружится нѣсколько разъ на небольшомъ пространствѣ. Рыба задерживается въ такой сѣткѣ, какъ и въ обыкновенномъ неводѣ. Какъ много здѣсь рыбы, въ этомъ мы убѣдились, бывъ свидѣтелями, какъ въ какихъ-нибудь полчаса, въ два такихъ пріема, ея набралось до 3-хъ пудовъ. Рыба оказалась только средней величины хайрузъ.

19 августа мы прошли только 12 версть, по маленькой тропинкѣ, протоптанной въ лѣсу. Почва каменистая, травяная; растительность очень скудная; мѣстами попадались небольшіе участки тундры, на которой, кромѣ торфянаго мха, росли еще черника, брусника и другія мелкіе кустики. Вообще эту мѣстность можно-бы назвать озерною, до того много здѣсь небольших озеръ; ихъ цѣлая система; всѣ они большія, неглубокія, имѣютъ каменистое русло, и большая часть изъ нихъ соединяется другъ съ другомъ посредствомъ узенькихъ соединительныхъ каналовъ и небольшихъ рѣчекъ. Наши лошади всѣ дни были впроголодь.

20 августа мы подошли къ рѣчкѣ Башкему, и поднимались вверхъ по этой рѣчкѣ чрезъ сплошной кедровый лѣсъ; пройдя версть 15, остановились ночевать у послѣдняго сойотскаго улуса, находящагося на берегу Башкема.

Улусъ небогатый изъ 5 юртъ; жителей не болѣе 20 человекъ. Насъ поразили ихъ миниатюрный ростъ, не выше двухъ аршинъ. Эти карлики физіономіей своей въ общемъ ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ сойотовъ тодчжинскаго вѣдомства, къ которому и они принадлежатъ. Между ними есть и старики. Одного такого старика (ему болѣе 60 лѣтъ) я приподнималъ, и мнѣ казалось, что иногда наши большія дѣти бываютъ далеко тяжелѣе; мнѣ казалось, что этотъ старикъ вѣсомъ немного болѣе одного пуда*). Наше появленіе конечно ихъ крайне изумило и заинтересовало, такъ какъ они никогда не видали русскихъ, да еще въ такомъ большомъ числѣ, да и съ такимъ большимъ табуномъ лошадей, и вѣроятно, много лѣтъ послѣ нашего отъѣзда они будутъ рассказывать про насъ, какъ про нѣчто необыкновенное, и всякая передача, являясь, какъ водится, съ прикрасами, вѣроятно, современемъ превратится въ мифическую легенду.

Какъ ни бѣденъ былъ встрѣченный нами улусъ и какъ ни миниатюрны его хозяева, однако надо сознаться, что мы ими были очень обрадованы, встрѣтивши людей на такой значительной высотѣ, въ мѣстности, гдѣ меньше всего мы могли ожидать встрѣтить человѣческія поселенія. Все хозяйство этихъ пигмеевъ состояло только изъ небольшого стада оленей, молокомъ которыхъ угостили насъ наши хозяева.

(Продолженіе будетъ).

Г. Сафьяновъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Ирбинская дача.

Говоря объ ожидаемыхъ реформахъ на заводскихъ земляхъ горнаго алтайскаго округа, „Восточное Обозрѣніе“ (№ 7) указывало на быстрый упадокъ добычи золота на Кабинетскихъ промыслахъ за послѣднія двадцать лѣтъ отъ нерациональнаго веденія дѣлъ заправителями алтайской горной промышленности, нецеремонящимися съ собственностію Кабинета и неимѣющими предѣла въ расхищеніи ввѣреннаго имъ интереса ихъ владѣльца. Чтобъ разъ навсегда избавиться отъ такой системы веденія горнаго дѣла на Алтаѣ, „Восточное Обозрѣніе“ указывало на одинъ ис-

*) Типы сойотовъ или урихайцевъ, какъ племени мало изслѣдованнаго, представляютъ особенный интересъ. Антропологическія измѣренія нѣкоторыхъ саенцовъ сдѣланы въ Алтаѣ и переданы въ московское общество Естествознанія и антропологии.

Ред.

ходъ—это передачу горнаго дѣла въ частныя руки но отнюдь, не на тѣхъ чудовищныхъ условіяхъ, неимѣющихъ даже и признаковъ справедливости и законности, на какихъ совершенно отчужденіе лѣваго берега р. Томи и ея безчисленныхъ притоковъ, гдѣ громадныя пространства отчуждены только тремъ лицамъ, съ полиѣйшимъ отстраненіемъ туземнаго населенія, предпочтительныя права котораго на пользованіе сими богатствами забыты, и само населеніе оказалось какъ-бы отданнымъ въ закрѣпощеніе и кабалу неизвѣстнымъ ему монополистамъ, явившимся извнѣ, и что подобныя же компаніи покушаются нынѣ и на салаирскій край. Прочитавъ это, мы вспомнили и про другихъ монополистовъ, царящихъ въ нашемъ сибирскомъ захолюстьѣ. Какъ извѣстно, типы нашихъ монополистовъ есть явленіе традицій, издавна вкоренившихся въ нашемъ отечествѣ. Люди этого типа, какъ временами дозволено, всегда стремятся къ порабощенію себѣ людей слабыхъ въ культурномъ отношеніи въ частности и экономическомъ въ особенности; часто далеко заходятъ за предѣлы гуманности, присущей каждому цивилизованному народу. По праву сильного они не ограничиваются ни средствами, ни географическимъ разстояніемъ. Прикрываясь напыщеннымъ званіемъ промышленниковъ, цивилизаторовъ и благодѣтелей, они стремятся на окраины и захолюстья обширнаго отечества, свиваютъ себѣ теплыя гнѣздышки въ нашей матушкѣ-Сибири и дѣлаются полновластными хозяевами въ образѣ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ.

Въ видѣ иллюстраціи расскажемъ здѣсь исторію нынѣ упраздненнаго казеннаго ирбинскаго завода. Въ минусинскомъ округѣ на р. Ирбѣ устроенъ бергъ-коллегіей въ 1740 году чугуноплавильный и желѣзо-дѣлательный заводъ, который обрабатывался ссыльно-каторжными. Веденіе хозяйства на заводѣ было тождественно съ выше рассказаннымъ алтайскимъ, а потому, какъ непринесившій казнѣ никакихъ доходовъ кромѣ убытка, въ 1774 году онъ былъ переданъ въ арендное содержаніе дворянину Савельеву, который считъ нужнымъ произвести нѣкоторыя реформы въ хозяйствѣ заводскаго населенія. Для улучшенія быта его, онъ кончившихъ сроки работъ ссыльно-каторжныхъ поселилъ въ прилегающей къ заводу мѣстности на землѣ, принадлежащей вѣдомству государственныхъ имуществъ по р.р. Сумѣ и Ирбѣ, на которыхъ и образованы два селенія Дѣтлово и Ирбинское. Жители этихъ селеній были зачислены въ крестьяне ирбинскаго завода въ обязательныхъ къ оному отношеніяхъ. Въстѣ съ этой реформой г. Савельевымъ былъ введенъ вольно-наемный рабочій трудъ, вслѣдствіе чего въ заводѣ начали прибывать крестьяне изъ другихъ селеній минусинскаго округа. Въ 1782 году заводъ былъ остановленъ, ссыльно-каторжные были поселены въ деревнѣ Дѣтловой и новообразованной изъ заводскаго ирбинскаго селенія деревнѣ Березовкѣ. Въ 1823 году заводъ переданъ казною купцу Патюкову на посессіонныхъ правахъ, съ обязательствомъ Патюкова начать работы на заводѣ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ и 10 лѣтъ льготы отъ платежа за пользованіе заводомъ въ пользу казны оброчныхъ денегъ, по истеченіи же этого срока Патюковъ обязывался платить попенныя и посаженныя деньги за лѣсъ, и по $3\frac{3}{4}$ коп. сер. съ пуда выплавленнаго металла, добыча котораго простираться должна была до 40—50,000 пуд. По заключеніи этихъ условій, согласно распоряженію бергъ-коллегіи, въ томъ же году инженеромъ Черемныхъ отмежевано къ

ирьбинскому заводу земли 125,532 десятины 1,622 саж.—въ томъ числѣ и для надѣла проживавшихъ въ заводѣ крестьянъ и другаго сословія лицъ на 300 душъ, съ указаніемъ на заводскомъ планѣ границъ владѣнія выбывшихъ изъ завода крестьянъ, обозначая для оныхъ мѣстность въ вершинахъ р. Терехты и впадающихъ въ оную ключей. Для деревни Дѣтловой, какъ заселившейся ранѣе, отведенъ особый надѣлъ по усмотрѣнію инженера Черемныхъ, въ такомъ количествѣ, при которомъ существованіе сибирскаго крестьянина-землепашца едва-ли возможно. Но, разумѣется, крестьяне, получившіе такой надѣлъ, удовлетворятся такимъ количествомъ не могли и въ нужномъ для себя количествѣ землю распахивали изъ ирьбинской дачи. Въ 1827 году заводъ былъ приостановленъ по несостоятельности Патюкова, по смерти котораго, въ 1841 году, за долгъ казнѣ заводъ былъ проданъ съ аукціона, женѣ тайнаго совѣтника г-жѣ Безкоровайной, за 1,000 рублей на прежнихъ посессіонныхъ условіяхъ, какія были указаны Патюкову въ указѣ пермскаго горнаго правленія отъ 17-го декабря 1825 года, причемъ въ собственность Безкоровайной поступили всѣ заведенія, строенія, разныя рабочія орудія и машины.

Сначала ирьбинскій заводъ находился въ вѣдѣніи алтайскаго горнаго правленія, а затѣмъ въ 1859 году поступилъ въ вѣдѣніе г. генераль-губернатора восточной Сибири, который возбудилъ вопросъ объ отчужденіи въ пользу казны ирьбинскаго завода—отъ г-жи Безкоровайной, какъ невыполнившей съ казною условій о началіи работъ на заводѣ въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ владѣнія заводомъ. Вопреки условія съ казною Безкоровайная въ сказанный періодъ разработывала золотосодержащіе пріиски, находящіеся въ ирьбинской дачѣ. Ходатайство генераль-губернатора уважено не было, г-жа Безкоровайная получила новую пятилѣтнюю отсрочку на устройство завода, но и въ этотъ срокъ работы пущены не были, а поэтому генераль-губернаторъ по соглашеніи съ министромъ государственныхъ имуществъ, дѣло объ отчужденіи завода отъ Безкоровайной внесъ на разсмотрѣніе въ совѣтъ главнаго правленія Восточной Сибири, которое, разсмотрѣвъ дѣло ^{15/16} сентября 1865 года, постановило: владѣтельницу ирьбинскаго завода Безкоровайную, какъ невыполнившую предъ казною обязательствъ, отъ пользованія заводскими рудниками и землею отстранить, исключая выдѣленнаго ей евгеніевскаго пріиска на правахъ частной золотопромышленности. Землю, находящуюся при заводѣ, объявить свободною и принадлежащею казнѣ. О такомъ постановленіи главнаго правленія было объявлено между прочимъ и въ ближнихъ къ заводу селеніяхъ. Въ виду объявленнаго постановленія, крестьянинъ Пачевъ просилъ енисейскую казенную палату объ отдачѣ ему земли подъ хлѣбопашество изъ ирьбинской дачи; палата выслала землемера и отвела ему участокъ земли по р. Терехтѣ, съ платою по 10 коп. за десятину въ годъ.

На постановленіе главнаго правленія Восточной Сибири г-жа Безкоровайная принесла жалобу и дѣло было передано въ государственный совѣтъ, который, соглашаясь въ принципѣ о потерѣ правъ на владѣніе заводомъ г-жею Безкоровайной, не согласился въ формѣ сдѣланнаго отчужденія завода, какъ послѣдовавшаго со стороны администраціи, а не судебного мѣста. Вслѣдствіе такого опредѣленія енисейскій губернский стряпчій Андрюковъ началъ дѣло объ отчужде-

ніи ирьбинскаго завода отъ г-жи Безкоровайной (по мѣсту нахождения имущества)—въ минусинскомъ окружномъ судѣ. Но только дѣло поступило въ минусинскій окружной судъ, какъ горный департаментъ, 28-го февраля 1878 года за № 721, предписалъ минусинскому окружному суду—производствомъ дѣла пріостановиться, такъ какъ Безкоровайная ходатайствуетъ о выкупѣ заводской земли въ собственность. Вслѣдъ за этимъ предписаніемъ въ минусинскій окружной судъ поступило прошеніе довѣреннаго Безкоровайной, технолога Малаховскаго, о взысканіи съ крестьянъ деревень Березовки (образованной изъ ирьбинскаго селенія), Дѣтловой и за ними Терехтинской, за самовольное пользованіе гъ теченіи пяти лѣтъ землею изъ ирьбинской дачи, въ пользу его довѣрительницы по 1 руб. за десятину въ годъ, въ общей сложности сумму, составляющую болѣе 5,000 руб. Окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло 29-го сентября 1878 года, постановилъ: по случаю невыполненія обязательствъ предъ казною со стороны Безкоровайной, всякія сдѣлки съ кѣмъ-бы то ни было о передачѣ ею земли считать незаконными и довѣренному ея отказать. Рѣшеніе это обжаловано не было, а потому и вошло въ законную силу. Потерпѣвъ такую неудачу Безкоровайная, въ апрѣлѣ 1880 года, вновь выслала, для собиранія съ крестьянъ подати за пользованіе землею, пермскаго мѣщанина Василья Кротова, который и потребовалъ съ крестьянъ сумму, въ общей сложности простиравшуюся до 10,000 руб., считая по 1 руб. за десятину, за восьмилѣтнее пользованіе. Крестьяне согласились заплатить эту сумму съ разсрочкою на три года, но Кротовъ потребовалъ деньги единовременно всѣ сполна. Крестьяне отъ платежа отказались и вошли съ ходатайствомъ къ генераль-губернатору Восточной Сибири отъ 25-го декабря 1880 года, объ отмежеваніи имъ земли изъ ирьбинской дачи на 125 ревизскихъ душъ на долю освобожденныхъ съ упраздненіемъ крѣпостнаго права заводскихъ крестьянъ по 15 десятинъ на душу, и на прибылыхъ по 6 десятинъ, а всего по 21 десятинѣ, но прошеніе крестьянъ осталось безъ послѣдствій.

Потерпѣвъ неудачу въ полученіи податей съ крестьянъ за пользованіе землею, г-жа Безкоровайная перемѣняетъ тактику, поручаетъ проживающему здѣсь ссыльному В—вскому войти съ крестьянами въ добровольную сдѣлку на полученіе съ нихъ арендной платы, отнюдь не притѣсяняя ихъ въ пользованіи землею, но дѣйствуя миролюбиво. Заручившись формальнымъ письменнымъ довѣріемъ, В—вскій объѣздилъ всѣ деревни, находящіяся вблизи ирьбинской дачи, зарекомендовалъ себя какъ довѣренное лицо „Барыни“, позволилъ крестьянамъ пользоваться заводскою землею бесплатно, на томъ основаніи, что довѣрительница его, какъ богатая „Барыня“, не желаетъ пользоваться потовыми крестьянскими крохами. Обрадовавшись такому неожиданному и благопріятному для нихъ сюрпризу, крестьяне распашку земли въ ирьбинской дачѣ удвоили. Съ позволенія В—вскаго нѣсколько семействъ крестьянъ изъ деревни Малокнышинской въ 1881 году поселились въ ирьбинской дачѣ на р. Грязнухѣ, построили себѣ дома съ необходимыми надворными строеніями, загородили покотину, посеяли пшеницу и т. д., однимъ словомъ образовали новую деревню, распахали земли до 300 десятинъ, какъ вдругъ въ августѣ мѣсяцѣ 1882 года пріѣзжаетъ къ нимъ В—вскій совѣтъ уже не въ томъ видѣ, какимъ видѣли они его ранѣе. Теперь предъ ними

предсталъ строгій „Баринъ“ съ грознымъ приказаніемъ „дой отсюда! Какъ вы смѣли самовольно построиться до моего отмежеванія! Какъ вы смѣли строиться изъ заводскаго лѣса! Кто вамъ приказалъ рубить ва дрова заводскій березовый лѣсъ!“ и т. д. Крестьяне струсилы, начали просить В—вскаго не гнать ихъ съ мѣста, такъ какъ въ старой деревнѣ они дома продали и здѣсь имъ построить съ переѣздомъ обошлось недешево, всѣ „пораззорились“. Начались переговоры и кончились тѣмъ, что крестьяне заплатили В—вскому за каждое срубленное дерево по 12 коп. и по 30 коп. съ сажени за березовыя дрова, и за самовольную распашку земли и устройство деревни по 1 руб. за десятину. Затѣмъ договорились платить за землю по 20 коп. съ десятины въ годъ въ теченіе пяти лѣтъ, да за порубку лѣса для постройки и на дрова въ вышесказанномъ размѣрѣ. По истеченіи же пяти лѣтъ все построенное крестьянами, по договору, обращается въ собственность Безкоровайной. Затѣмъ В—вскій обѣхалъ смежныя съ ирѣбинской дачей деревни и получилъ съ крестьянъ за самовольное пользованіе заводскою землею по 1 руб. съ десятины, а также получилъ и съ крестьянъ заимки Терехтинской по 1 руб. съ десятины, несмотря на то, что земля отведена землемѣромъ по распоряженію казенной палаты крестьянину Паначеву. Съ общества крестьянъ деревни Казанско-Богородской В—вскій потребовалъ 500 руб. за пользованіе выгономъ изъ ирѣбинской дачи въ количествѣ 100 десятинъ, но крестьяне отъ платежа отказались; В—вскій пригрозилъ прислать рабочихъ и разломать поскотину, крестьяне же порѣшили сдѣлать отпоръ и прогнать его рабочихъ „стигомъ“. Читатель можетъ себѣ представить удивленіе сибирскихъ крестьянъ, которые слыхомъ не слыхали, чтобъ нельзя даромъ пользоваться землею и лѣсомъ, и вдругъ запутались въ такія сѣти и принуждены за землю и за лѣсъ платить, да еще вдесятеро дороже стоимости. Какъ извѣстно, въ данной мѣстности арендная плата въ казну за землю не превышаетъ 12 коп. за десятину въ годъ, „Баринъ“ же ирѣбинскіе крестьяне заплатили по 1 руб. за десятину одновременно и на слѣдующіе годы обязались платить по 20 коп. въ годъ. Лѣсъ здѣсь самъ-по-себѣ не имѣетъ никакой цѣны, крестьяне пользуются имъ изъ тайги; если и существуютъ болѣе или менѣе опредѣленныя цѣны на лѣсъ и дрова, то въ размѣрѣ вознагражденія за дневной трудъ рабочаго, отъ 30 коп. до 50 коп. заработной платы въ день.

Результатомъ такого закрѣпощенія петербургской „Барыней“ сибирскихъ крестьянъ было-бы полное раззореніе трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ,—если бы правительство во-время не пришло на помощь крестьянамъ, не разрѣшило своею властью вопросъ объ изыятіи изъ владѣнія Безкоровайной ирѣбинской заводской дачи, и не предоставило-бы отдать съ торговъ этой земли подъ хлѣбопашество крестьянамъ *).

И. П.

*) Въ газетѣ «Сибирь» напечатано, что дѣло ирѣбинскихъ крестьянъ наконецъ рѣшено. Министръ Государственныхъ Имуществъ предписалъ дѣло Безкоровайной прекратить, наложить арестъ на земли, числившіяся за нею, въ пользу казны и отъ нея же потребовать 26,520 р. за неправильное 17-лѣтнее завладѣніе. Распоряженіе это уже получено въ Минусинскѣ. Корреспондентъ «Сибиря» прибавляетъ къ этому извѣстію: «Слава Богу! Уже послышались слухи, что Врублевскій, прикащикъ г-жи Безкоровайной, ходатайствовалъ послать команду для усмиренія крестьянъ!»

БАРАБИВСКАЯ СТЕПЬ.

(Дорожный набросокъ).

I.

Не забыть мнѣ, какъ ранней весною,
Чуть растаютъ снѣга на поляхъ,
Я, бывало, родной Барабою
Проѣзжалъ, по зарямъ, на дружкахъ *).

При волшебномъ румянцѣ природы
Путь въ степи чародѣйски хорошъ!
Какъ съ просонокъ, зардѣются воды
Озерковъ. Точно бодрая дрожь

Пробѣжитъ по сухому бурьяну
Отъ весенняго вѣтра,—а тамъ
И уйму нѣтъ степному буяну;
Онъ, какъ вихорь, несется къ холмамъ,

Гдѣ задвигались странныя тѣни:
Это вѣтреныхъ мельницъ ряды,
Пробудясь отъ его нападений,
Начинаютъ дневные труды.

Такъ и ждешь, что сейчасъ Донъ-Кихота
Привидѣнье мелькнетъ на холмахъ...
И дремать припадаетъ охота,
Созерцая лишь крыльевъ размахъ.

Но картины мгновенно не стало,
Унеслась и дремота за ней:
—„Жги, малютки!“ кричить разудало
На проворныхъ дружокъ лошадей.

Онъ къ бичу не даетъ имъ повадки:
Не для краснаго молвить стиха—
Барабивскія знаютъ лошадки
Рукавицу да голосъ дружка.

Подъ дугой колокольчикъ обычный
Такъ и замеръ, не трогая слухъ,—
И во мнѣ, отъ ѣзды непривычной,
Замираетъ томительно духъ.

Изъ-подъ ногъ лошадей, безъ оглядки,
Въ бѣлыхъ брючкахъ мохнатыхъ, гурьбой
Удираютъ въ ковыль куропатки,
Точно школьницы рѣзво домой.

II.

И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше картины...
Впереди—перелѣсокъ пошелъ.
На верхушкѣ громадной лѣсныи
Возсѣдаетъ, топорщась, орель.

*) «Ѣхать на дружкахъ»—выраженіе чисто-сибирское. «Дружками» зовутъ вольныхъ ямщиковъ на Барабѣ, гдѣ у каждаго изъ нихъ имѣется на ближайшей станціи свой «дружокъ» (пріятель), который обязательно и везетъ сѣдока дальше, за впередъ условленную дешевую плату. На остановкахъ за продовольствіе и услугу не берутъ ничего,—такъ, по крайней мѣрѣ, было на нашей памяти.

А вдали, посрединѣ дороги,
Какъ хозяева полные тутъ,
Косачи безъ малѣйшей тревоги
Совѣщанье о чемъ-то ведутъ.

— „Глуповатая птица весною“, —
Замѣчаетъ дружокъ про себя: —
„Ужъ была бы винтовка со мною,
Не видать бы тетеркамъ тебя!“

И, прикрикнувъ: — „Держись, моль, лѣвѣ!“
Разгоняетъ онъ птицъ. А заря
Такъ и пышетъ все ярче, алѣе.
Вдругъ—ея же лучами горя—

Развернулося озеро. Слышенъ
Гдѣ-то издали крикъ лебедей.
Вонъ плывутъ онѣ парами! Пышенъ,
Розоватый теперь отъ лучей,

Ихъ нарядъ бѣлоснѣжный. И глухо,
Точно исповѣдь, слышится мнѣ:
— „Тоже бьютъ ихъ не мало... для пуху...
Вотъ ужъ это, такъ птица вполнѣ!“

И дружокъ, покраснѣвъ, какъ дѣвица,
Продолжаетъ, сдержавши коней:
— „Королевна прямая!—не птица!
Ишь, у насъ полюбилоса ей.“

„Здѣсь мѣста—благодатное дѣло,
Не другимъ, не Рассен чета...
Аль тебѣ ужъ трястиса надоѣло?
Погоди!—остаеся верста.“

„Не верста хотъ—побольше немного,
Да вѣдь кто ихъ здѣсь мѣрля? Допрежъ
Тутъ была столбовая дорога,
А теперече волкъ ее ѣшь!“

„Попадаются, значить, гнилые
Верстовые столбы посейчасъ,—
Старики и толкуютъ сѣдые:
Семисотныя версты у насъ!“

„Ну, малютки! вздохнули съ натуги?“
Рѣчь заводитъ онъ съ тройкой лихой,—
И, прикрикнувъ: — „Работайте, други!“
Ужъ несетса, какъ вихоръ степной.“

III.

Вотъ и станція. Снова рядами
Возвышаются мельницъ холмы.
Подѣзжаемъ къ пристанищу мы
Въ три окошка съ рѣзными ставнями.

Вся семья высыпаетъ впередъ
Къ растворившимся настежь воротамъ.
— „Сѣдока, моль, Господь вамъ даетъ,
Такъ примайте-ка гостя съ почетомъ“, —

Говоритъ, поклонившись, дружокъ.
И пойдутъ, по сибирски, привѣты,

Да поклоны, да съ солью отвѣты,—
Точно здѣсь—твой родной уголокъ.

Но хотъ онъ и чужой, а съ охотой
За порогъ переступишь его:
Тамъ все дышетъ хозяйствомъ, заботой,
Чистоплотностью прежде всего.

Входишь въ горницу. Пахнетъ пріятно
Лиственничнаго лѣса смолой;
Поль лоснящійся вымыть съ дресвой,
И особенно какъ-то опрятно

Смотрять голыя стѣны кругомъ.
А къ стѣнамъ прислонились рядами,
Подъ накрышкой тюменскимъ ковромъ,
Сундуки съ дорогими вещами.

Тутъ же, съ грудой подушекъ кровать
Манитъ путника пышной периной
За цвѣтистый свой пологъ старинный—
На лебяжемъ пуху полежать.

И мигнуть не успѣешь, раздѣвшись,
Какъ накроется въ горницѣ столъ;
А хозяйская дочка, зардѣвшись,
Съ устремленными взорами въ полъ,

Разстановитъ на скатерти чистой
Угощеній обильный запасъ,—
И невольно разлакомятъ васъ
Самый видъ ихъ и паръ ихъ душистый.

И чего-то, чего-то здѣсь нѣтъ!
За обиліемъ яствъ и солений,
Какъ сибирскаго кушанья цвѣтъ—
Подаются ржаные пельмени.

Но когда изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ
Любопытныя выглянутъ очи
Съ глубиною и сумракомъ ночи,
Какъ у зоркихъ встревоженныхъ птицъ,

И послышится звукъ мелодичный:
„На здоровье покушай-ка вельсать“, —
Такъ и дрогнетъ душа необычной
Симпатіей, похожей на страсть.

О, степныя красавицы наши!
На расцвѣтѣ житейской весны
Навѣвали чудесные сны
Мнѣ глаза темнокаріе ваши...

Но довольно. Мечты о быломъ
Заковали въ незримыя цѣни
Расходившійся стихъ мой—и въ немъ
Не осталось простора для стени.

Не порвать мнѣ волшебную цѣнь,
Я не въ силахъ разрушить былого...
Ты простишь мнѣ безсиліе слова,
Барабинская чудная степь!

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДЕЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Въ виду безурядицы, переживаемой Франціею по вопросамъ внутренней политики, представители крупныхъ торговыхъ фирмъ подали адресъ президенту республики, въ которомъ заявили себя сторонниками республики, но республики порядка, а не хаоса. Они высказали желаніе скорѣйшаго разрѣшенія кризиса, такъ какъ настоящее положеніе дѣлъ, частіа смѣны министровъ и страстное, но безсодержательное отношеніе парламента къ дѣламъ внутренней политики могутъ подорвать экономическое положеніе страны. Вывозная торговля упадетъ, заграничныя сношенія ослабнутъ, чужеземная промышленность захватитъ въ свои руки промыслы и кредитъ упадетъ. Этотъ адресъ произвелъ впечатлѣніе, такъ какъ представителей крупныхъ торговыхъ фирмъ считали до сихъ поръ тайными орлеанистами. Новый кабинетъ сформировался въ слѣдующемъ составѣ: Жюль Ферри—президентъ совѣта и министръ народнаго просвѣщенія; Шальмель—Лакуръ—министръ иностранныхъ дѣлъ; Вальдекъ-Руссо—министръ внутреннихъ дѣлъ, Мартенъ-Фель—министръ юстиціи; генераль Тиבודэнъ—военный министръ; сенаторъ Бренъ—морской министръ; Тираръ—министръ финансовъ; Рэйваль—министръ общественныхъ работъ; Базиль—министръ торговли; Де-Маги—министръ земледѣлія; Катри—министръ почтъ. Изъ числа министровъ восемь человѣкъ состоятъ депутатами, причемъ четверо принадлежатъ къ республиканскому союзу и четверо къ демократическому союзу. Кабинетъ встрѣченъ сочувственно политическими партіями различныхъ оттѣнковъ. Въ рѣчи своей, въ палатѣ депутатовъ, Жюль Ферри высказалъ, что хотя республикѣ и не угрожаетъ опасность, но правительство, не нарушая существующихъ вольностей, потребуеть принятія мѣръ противъ возбуждающихъ криковъ и противъ распространенія воззваній, имѣющихъ цѣлью злоупотреблять гласностью для мятежныхъ манифестацій. Нужно избѣгать безконечныхъ кризисовъ и бесполезныхъ преній, которыя ослабляютъ авторитетъ республики. Правительство будетъ осуществлять реформы методически. Внѣшняя политика будетъ миролюбивая, но не индифферентная. Рѣчь эта нѣсколько разъ прерывалась рукоплесканіями всей лѣвой. Первымъ дѣйствіемъ новаго министерства явилось увольненіе отъ службы принцевъ орлеанской линіи.

— Англійская печать требуетъ, чтобы партія земельной лиги обязательно очистила себя отъ взведеннаго на нее Джемсомъ Кэри обвиненія въ преступной небрежности, вслѣдствіе которой дѣятели лиги, а можетъ быть и ея деньги, употреблялись на нужды „непокорныхъ“ ирландцевъ. Въ парламентахъ вопросъ о соучастіи земельной лиги съ революціонной партіей убійць, также надѣлалъ переполохъ. Возбуждены толки о причастности къ этой исторіи Парнелля на томъ основаніи, что по указанію его правительство допустило Шеридана дѣйствовать въ качествѣ своего агента по замиренію ирландскаго народа, а между тѣмъ дублинскимъ процессомъ открыто, что Шериданъ былъ сообщникомъ партіи убійць. Признано необходимымъ, чтобы Парнелль разъяснилъ свои отношенія къ Шеридану, а Гладстонъ свои отношенія къ Парнеллю и тѣ мотивы, на основаніи которыхъ этотъ министръ освободилъ изъ Кильменгэмской тюрьмы Парнелля и др. членовъ земельной лиги. Бывшій министръ по ирландскимъ дѣламъ Форстеръ въ засѣданіи палаты общинъ заявилъ, что по его мнѣнію Парнелль хотя и не замышлялъ убійствъ, но содѣйствовалъ имъ. Сэръ Норскотъ предложилъ избрать комисію для разслѣдованія обстоятельствъ, находящихся въ связи съ освобожденіемъ Парнелля и другихъ ирландскихъ членовъ палаты. Съ своей стороны Парнелль выступилъ съ сильными опроверженіями противъ Форстера и заявилъ, что Форстеръ „доноситель“, разоблачившій тайны своихъ бывшихъ соговорицъ. Парнелль, отрицалъ справед-

ливость заявленія, будто-бы земельная лига знала о замыслахъ и дѣйствіяхъ убійць.

— Засѣданія германскаго парламента отсрочены до первыхъ чиселъ апрѣля. Вопросъ объ увеличеніи размѣра пенсіи для отставныхъ военныхъ и о привлеченіи военныхъ лицъ къ уплатѣ общиннаго налога оставленъ открытымъ. За то проектъ военнаго министра объ учрежденіи въ Эльзасѣ школы кантонистовъ, парламентомъ отвергнуто окончательно. Повидимому, такой незначительный фактъ самъ по себѣ не имѣетъ значенія, но фонъ, на которомъ онъ вырисовался, заставляетъ обратить на него вниманіе. Собственно отклоненіе проекта было выраженіемъ мнѣнія парламентскаго большинства о милитаризмѣ, господствующемъ въ Германіи. Во время преній группа депутатовъ выступила съ энергическими протестами противъ существующихъ донинѣ своеобразныхъ сторонъ прусской военной организаціи и нѣкоторыхъ расходовъ военнаго вѣдомства. Кромѣ того, прогресистами было заявлено о необходимости отнынѣ подвергать военные расходы такому же контролю, какому подлежатъ и всѣ прочія бюджетныя статьи. Военный министръ генераль Камеке, потерпѣвъ фіаско, подалъ императору просьбу объ отставкѣ, которая однакоже была отклонена.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— 4-го февраля въ Аничковскомъ дворцѣ у Ихъ Императорскихъ Величествъ былъ балъ, на которомъ, кромѣ Высочайшихъ особъ, присутствовало до 260 приглашенныхъ. 8-го февраля Ихъ Величества изволили присутствовать на балу у великаго князя Владиміра Александровича, 11-го февраля, былъ данъ Ихъ Величествами третій балъ въ Зимнемъ дворцѣ, на который были приглашены: дипломатическій корпусъ, старшіе военные начальники и другія лица. 12-го февраля Государь Императоръ изволилъ произвести смотръ войскамъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

— Правителю канцеляріи степного генераль-губернатора полковнику Ливенцову Всемилоствѣйше повелѣно быть исправляющимъ должность акмолинскаго губернатора. Состоящій за штатомъ, числящійся по армейской пѣхотѣ, генераль-маіоръ Нарскій—назначается томскимъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ, съ оставленіемъ по армейской пѣхотѣ.

— „Москов. Газета“ слышала, что дворцовое вѣдомство предложило нѣкоторымъ изъ содержателей въ Москвѣ гостиницъ снятъ за большое вознагражденіе на время коронаціи ихъ гостиницы.

— По уполномочію главнаго кавказскаго начальства, комисія по устройству конкурса на сооруженіе памятника поэту М. Ю. Лермонтову, въ Пятигорскѣ, объявляетъ конкурсъ на идею или мысль этого памятника. На сооруженіе этого памятника уже собрано 30,000 рублей.

— Газета „Голосъ“ получила 3 е предостереженіе съ пріостановленіемъ изданія на 6 мѣсяцевъ и съ примѣненіемъ къ нему, по возобновленіи, пункта 1-го временныхъ правилъ о печати.

— По свѣдѣніямъ „Новороссійскаго Телеграфа“, газетѣ „Одесскій Листокъ“ „запрещенъ внутренній отдѣлъ и помѣщеніе передовыхъ статей по внутреннимъ вопросамъ“. Сколько извѣстно, это первый примѣръ взысканія въ подобной формѣ.

— Во вторникъ, 8-го февраля, въ ресторанѣ Бореля состоялся обѣдъ бывшихъ студентовъ петербургскаго университета. Присутствовало за обѣдомъ 118 человѣкъ. Въ концѣ обѣда былъ произведенъ сборъ пожертвованій въ пользу общества вспоможенія студентамъ петербургскаго университета, который по своимъ результатамъ превзошелъ прошлогодній, давъ 462 руб.

— 12-го февраля субботу состоялся годичный обѣдъ

медицинскихъ студентовъ. Собралось 250 лицъ, въ томъ числѣ старѣйшіе профессора Глѣбовъ, Чистовичъ, Богдановскій, Заварыкинъ, Сорокинъ.

— Неутомимый изслѣдователь таранчинской литературы, Н. Н. Пантусовъ, готовитъ, по свѣдѣніямъ „Туркест. В.“, къ изданію сборникъ таранчинскихъ пѣсенъ. Это изданіе будетъ снабжено нотами, рисунками музыкальныхъ инструментовъ и ихъ описаніемъ, примѣчаніями составителя сборника, и проч.

— 8-го февраля, вмѣсто обычнаго торжественнаго акта въ университетѣ, несостоявшагося по случаю пожара актовой залы, въ Петровскую залу приглашены были студенты, которымъ назначены медали и награды, гдѣ имъ выданы были таковыя.

— Дѣло объ учрежденіи западно-сибирскаго учебнаго округа, внесенное въ государственный совѣтъ, возвращено обратно въ министерство народнаго просвѣщенія въ виду того, что учрежденіе этого учебнаго округа будетъ въ особенности нужно лишь въ то время, когда сибирскій университетъ будетъ близокъ къ открытію. Тогда же, по всей вѣроятности, послѣдуетъ ходатайство и объ учрежденіи восточно-сибирскаго учебнаго округа.

— 9-го февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ О. Э. Штубендорфа, засѣданіе общаго собранія русскаго географическаго общества. Въ послѣднее время, извѣстія получены отъ П. М. Лессара изъ Асхабада, отъ г. Майнова изъ Гельсингфорса объ окончаніи печатаніемъ его труда о „результатахъ антропологическихъ изслѣдованій среди „морды-ерзи“ и о томъ, что имъ въ настоящее время предпринято изданіе финской грамматики и, наконецъ письмо отъ г. Шольца-Рогозинскаго съ Канарскихъ Острововъ, отправившагося на шхунѣ „Люси Маргеритъ“, изъ Шербура на Мадеру и, затѣмъ, прибывшаго на Канарскіе Острова. Почетный членъ общества, извѣстный путешественникъ по Средней Азии, полковникъ Н. Н. Пржевальскій, познакомилъ собраніе съ приготовленнымъ имъ къ печати крайне интереснымъ описаніемъ послѣдняго его путешествія въ Тибетъ и къ истокамъ Жолтой Рѣки.

— По словамъ газеты „Терекъ“, чеченцы сосѣднихъ селеній, 5 участка Грозненскаго округа, заявляютъ атаману станицы Закавъ-юртовской Реуцкому, что въ Черныхъ горахъ, близъ Кореламскихъ высотъ, найдены искусственныя пещеры, выкопанныя, повидимому, въ очень древнія времена. Въ одной изъ такихъ пещеръ (или, какъ говорятъ чеченцы—церквей), лежатъ человѣческія кости, между которыми находится одинъ очень большой человѣкъ, невредимый, и на ногахъ у него надѣты сапоги. Чеченцы приглашаютъ желающихъ осмотрѣть эти пещеры, но сами они, по закону и преданію, не должны и не смѣютъ близко осматривать ихъ.

— Развитіе швейцарскаго сыроваренія на Кавказѣ, принявшее, благодаря трудамъ ученика Н. В. Верещагина А. А. Кирша, въ теченіи непродолжительнаго времени довольно солидные размѣры, обратило на себя вниманіе. Надняхъ г. Киршъ получилъ отъ министерства государственныхъ имуществъ командировку въ Швейцарію, куда онъ отправляется съ цѣлью усовершенствованія швейцарскаго сыроваренія на Кавказѣ.

— По словамъ газеты „Вирулане“, С—скій волостной старшина и членъ приходскаго суда отъ крестьянъ въ Перновскомъ уѣздѣ были выгнаны помѣщикомъ изъ арендуемыхъ ими усадебъ за то, что не соглашались дать невѣрные отвѣты на вопросы ревизующаго сенатора.

— По словамъ газеты „Балтіясь Вестнесисъ“, ревизующему прибалтійскія губерніи сенатору Манассену подано до сихъ поръ около 14,000 прошеній.

— „Голосу“ пишутъ изъ Кульджи: „Китайскіе солдаты не перестаютъ нападать, вмѣстѣ съ киргизами, на нашихъ переселенцевъ, таранчей и дунганъ. Грабежи на китайской границѣ также еще не прекратились. Китайскія власти бездѣйствуютъ и какъ бы покровительствуютъ грабителямъ“.

— Той-же газетѣ сообщаютъ изъ Казалинска: „Недавно намъ совершенно случайно удалось узнать весьма интересную новость. Поэтъ Шевченко, какъ оказывается по разсказамъ старожиловъ и какъ видно изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ комендантскаго управленія, нѣкогда проживалъ въ нашемъ городѣ. Здѣсь онъ проживалъ какъ ссыльный, находясь на службѣ простымъ солдатомъ; надъ нимъ былъ учрежденъ самый строгій надзоръ: ему не только не позволяли заниматься литературною работою, но даже запрещали писать письма. Разъ какъ-то поэту удалось обмануть бдительность охранителей и написать письмо въ Петербургъ; случай этотъ надѣлалъ тогда столько шума, что о поступкѣ Шевченко, какъ онъ только обнаружился, было заведено особое дѣло, хранящееся и до сихъ поръ въ архивѣ комендантскаго управленія“.

— „Врачеб. Вѣд.“ передаютъ, что разрабатывается вопросъ о краткосрочныхъ врачебныхъ курсахъ, съ цѣлью дать возможность практикующимъ врачамъ знакомиться съ новѣйшими пріобрѣтеніями науки и подновлять свои знанія по той или другой отрасли медицины.

— Въ пятницу, 11-го февраля, г. военный министръ посетилъ женскіе врачебные курсы. Осмотрѣвъ госпиталь, какъ передаетъ „Здоровье“, г. министръ въ сопровожденіи начальника курсовъ и всѣхъ врачей, перешелъ въ помѣщенія, занимаемыя женскими врачебными курсами. Обойдя клиники, гдѣ г. министръ, встрѣтивъ г-жъ ассистентокъ и слушательницъ, сказалъ послѣднимъ: „желаю вамъ окончить курсъ съ успѣхомъ и славой, какъ для вашей пользы, такъ и для пользы ближнихъ“, онъ вошелъ въ аудиторію, гдѣ профессоръ Сущинскій читалъ лекцію фармакологіи III-му курсу, и разспрашивалъ слушательницъ о ходѣ ихъ занятій и количествѣ учебныхъ часовъ. Оказалось, что слушательницы ежедневно заняты до 4-хъ часовъ и что кромѣ того существуютъ еще вечернія практическія занятія. Осмотръ закончился химической лабораторіею и библіотекою.

— Намъ извѣстно, пишетъ „Здоровье“, что въ с.-петерб. городскую думу уже представленъ проектъ постройки новой барачной больницы стоимостью въ 70,000—80,000 р. на 200 человѣкъ больныхъ, предназначаемой для клиническихъ занятій женскихъ врачебныхъ курсовъ; причемъ больница эта, согласно проекту, можетъ быть сооружена и на имѣющіяся уже и внесенныя въ городскую думу пожертвованія.

— Для конвоированія ссыльно-каторжныхъ, отправляемыхъ на крейсеръ „Нижній-Новгородъ“ на Сахалинъ, командированы изъ Николаева 60 матросовъ изъ состава 1-го и 2-го черноморскихъ флотскихъ экипажей.

— Изъ Ирбити 13-го февраля, въ присутствіи начальника губерніи, мѣстныхъ чиновъ и собравшагося въ громадномъ числѣ народа, состоялось торжественное открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 15 февраля. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 24³/₁₆ пенс. за рубль, на Парижъ 254 сант., на Гамбургъ 206 пфен. Полуимперіалы 8 р. 14 к.; рубли серебр. 1 р. 33; 5⁰/₁₀ бил. Госуд. Банка 1 вып. 96¹/₈, 2 вып. 92¹/₄, 3 вып. 91⁷/₈, 4 вып. 91¹/₂, 5 вып. 91³/₈. Восточный заемъ 92. Первый выигр. заемъ 221¹/₂, второй выигр. заемъ 217. Обл. Сиб. гор. кред. общ. 87¹/₈, облиг. Моск. гор. кред. общ. 86⁷/₈, обл. Закл. лист. об. взаимн. позем. кред. 131 метал.; 5¹/₂ рента 98³/₄, Закл. лист. земск. банка Херс. губ. 89¹/₂. 6⁰/₁₀ Закл. лист. Харьковск. зем. банка 92. Закл. лист. Тульск. зем. банка 93. Акц. Волжск.-Камск. част. ком. банка 424, акц. Сибир. торг. банка 318, акц. парох. об. „Кавказъ и Меркурій“ 455, акц. парох. общ. „Самолетъ“ 195. Акц. Главн. общ. Росс. ж. д. 262, акц. Юго-запад. ж. д. 96¹/₄, акц. Рыбин.-бол. ж. д. 61, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. 89¹/₂, акц. Курско-Кіевск. ж. д. 234¹/₂. Настроеніе биржи съ курсомъ очень крѣпкое, съ бумагами спокойно Восточный заемъ въ требованіи по 92.